

Aura Thoth

Фрэш Органс

ЭХО ИЗ МЫ

Кукольный Дом

WundWald

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А93

Aura Thoth

A93 Фрэш Органс, Кукольный Дом (WundWald). – М.:
Издательство Перо, 2023. – 110 с.

ISBN 978-5-00218-659-4

Сай-фай стори, раскрывающая обывателю Paradox Parallax. Материя окружающего мира является иллюзией эффекта ЭХО отражения.

Буквально, точка одна. Она видит свои отражения. Каждый миг какие-то ЭХО себя помнит, другие забывает. В результате создаётся обманчивое представление наличия большого количества точек, из которых каждый миг складывается картинка привычного окружающего мира. Все эти картинки мигнов склеиваются в ленту иллюзии движения и жизни. Мир из одной точки.

Этим парадоксом можно управлять. Заставить точку помнить только те её ЭХО, которые нам нужны. А можно создать искусственный Parallax и прекратить настоящий. Иллюзия останется иллюзией. Настоящая материя, не настоящая, мы не заметим разницы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00218-659-4

© Aura Thoth, 2023

Кукольный Дом

Ворота открывались целую вечность. Послышался странный хруст. Автобус въехал в Лес. Дорога была покрыта битыми склянками. Складывалось неприятное ощущение тяжести, с которой колеса вгрызались в синий грунт. Синим казалось всё. Покрытое тонкой плёнкой стекла пространство Леса сразу же привлекло внимание детей. Их было около десяти. Разного возраста, они рассматривали дорогу, никто из них не знал, куда их везут и зачем.

Дети молча смотрели в окно. Красота имеет разные формы, когда её нет, на первый взгляд, он быстро теряет интерес. Красивым этот Лес уж точно нельзя было назвать. Если только убийственной и завораживающей красотой, её здесь был перебор. Разглядеть что-то снаружи было сложно. В воздухе висела синяя пыль, от которой невозможно было дышать. Пыль из стекла врезалась в живое, слезились глаза, во рту стоял металлический вкус.

Автобус остановился. Перед въездом в Вундский Лес

висела табличка «Опасно! Не входить!», но мало кто знал, какие опасности таит в себе Вундский Лес.

НИИ 3721. Скрытый объект. «Кукольный Дом». Вундский Лес, как его называли свои.

Детей встречали крупные люди. Санитары, несколько человек. Само здание НИИ казалось ветхим, старым, замученным, и не только оно, взгляд упирался в картинки унылой грусти, унылым и грустным здесь было всё.

Справа от главного здания был небольшой пруд, откуда доносились детские крики. Все смотрели на маленькую девочку. Она разговаривала с куклой и пыталась её утопить. Интерес вызывало не это, а пруд. Он не был заполнен водой. Какая-то странная жижа. Даже издалека она напоминала Мрак, не жидкий, но вязкий, густой. Над прудом висели испарения. Они складывались в силуэты и образы, но тут же перемешивались в мрачное туманное пятно.

Детей привели по коридору на второй этаж. Наконец-то им рассказали, для чего они здесь. Обычный осмотр. Даже дети не так глупы. Они уже привыкли, что взрослые врут, но понимали, осмотр не обычный. Убедить можно всех, главное выбирать слова попроще.

Девочка достала куклу из пруда и побежала в сторону

автобуса. Ей было жутко интересно, кого привезли на этот раз. Автобус приезжал нечасто. Она с нетерпением ждала его, и чуть не пропустила самое интересное. На её вопросы никто не отвечал, на неё вообще никто не обращал внимание. Водитель молча посмотрел на Симпатию и отвернулся. Симпатия постояла немного, ей нравилось быть рядом с людьми, особенно живыми, в этом месте мало кого или что можно было назвать живым, особенно ей нравилось, конечно, с ними разговаривать, но никто не разделял с ней желаний и чувств. Она не обижалась. И не потому, что привыкла, просто у неё сложилось впечатление, что этим людям нечего ей сказать. Симпатия осмотрела автобус и побежала искать тех, кого только что привезли.

Лестница, дверь, бесконечно длинный коридор, ей было нелегко. Она перебирала свои ножки с трудом, разной длины, они заметно отличались одна от другой, будто когда-то давно они принадлежали разным людям, уж точно не ей. Как это всегда и бывает, именно бегать она любила больше всего, всю дорогу она разговаривала со своей куклой, которую называла Домино. В её комнате было много кукол. Она делала их сама, каждая была особенной, всё же не такой любимой, как Домино.

— Никак утонуть не можешь! Сколько ещё тебя спасать?

Всё из-за тебя. Как мы теперь узнаем, кого привезли?

Симпатия посадила Домино на скамейку.

— Здесь пока посиди. Не хочу, чтобы они тебя увидели.

Дети спокойно сидели в коридоре. Симпатия подошла к ним. Что тут скажешь, всё происходящее и без того вселялось страхом в их маленькие глаза, они не смотрели по сторонам. Симпатия стояла молча перед ними, с трудом скрывая восторг.

— Целых десять! — вскрикнула она. — Хотя скоро от вас не останется и следа. Ни капельки, ни крошечки, ни единого волоска!

Она рассмеялась:

Мне дела нет,
Кого убить.
Плохой,
Хороший,
Смерти быть!
Работы разные бывают.
Никто свою не выбирает.
Я просто Смерть.
И мне водить.
Мы рождены,
Чтоб вместе быть!

— Какие-то странные дети, — подумала Симпатия.

— Они всегда странные, — сказал Домино.

— Почему они такие спокойные?

Симпатия всё ещё стояла и осматривала детей.

— Интересно, кого оставят? Ты должен знать. Расскажи мне.

Домино чаще молчал. Где вы видели, чтобы куклы разговаривали? У этой девочки разговаривали все.

— Это займёт часа полтора, не меньше. Я ни в одном из них не вижу свет. Он будет долго смотреть.

Неудивительно, увидеть что-то можно глазами. Когда их нет, чем можно разглядеть? Глаза Симпатии были пустые. Их удалили несколько недель назад. Поэтому и удалили, что они были пустые. Видели не то, на что она хотела смотреть. Они лежали в банке на полке, где-то в подвале, среди прочих ненужных вещей. Полная банка ненужных глаз. В кармане у Симпатии всегда был припрятан один живой глаз. Каждый раз, когда она хотела увидеть мир таким, каким его видят все, она засовывала его в пустую дырку на место, где люди обычно привыкли носить свои глаза. Этот мир отличался от того, который видела она, хотя к общему миру Симпатия крайне редко проявляла

интерес. Ко всем коридорам здания НИИ Симпатия привыкла достаточно быстро. Она и с закрытыми глазами могла бы найти любую дверь или кабинет без проблем. Отсутствие глаз освобождало ещё от необходимости видеть это «здесь». Оно ей давно надоело. Тут не на что было смотреть. Кому нужны глаза, которые показывают одно и то же, изо дня в день. В таких местах возникает непреодолимое желание отдать их, по крайней мере на время пребывания, чтобы случайно не поверить в реальность, нет глаз, и её нет.

У этих детей в коридоре было всё, глаза, ручки, ножки и, разумеется, маленькие сердца. Это не навсегда. Их привезли на обычный осмотр частей, веселье ещё впереди. Не всем повезёт остаться, кого-то должны будут увезти, вернуть в обычную жизнь, где с ними ничего не случится до самого конца.

Профессор никогда не оставлял больше трёх. Сейчас он выбирал. Он мог бы оставить всех, но кто ему разрешал? Все знали порядок, это же дети. Их нельзя мучать, и тем более убивать. Этот Лес и без того привлёк много внимания. Его хотели закрыть, но Профессор знал, кого надо убеждать. Всегда найдётся кто-то, кому наплевать на остальных, тем более или даже на детей. За что их жалеть? У них не было жизни, им нечего терять. И потом,

мы же не убиваем всех. Такие только и делают, что принимают решения и говорят. Но это ради нас же самих. Или нет? Кто мы, чтобы они спрашивали нас. Дети-то не их, рожайте ещё, а то доберёмся и до вас.

Коридоры и этажи Кукольного Дома были пропитаны кровью. Он мог бы ожить, но здесь нечем было дышать. Запах гари и подыхающей плоти разносился по всему Лесу, который молчал. Деревья привыкли молчать, просто палки, стулья, столы и дрова. Разобрать можно всех, пустить в никуда. Рано или поздно все окажутся там.

— У нас есть часа полтора.

Симпатия схватила Домино и побежала по лестнице вверх. Ей разрешили занять комнату на самом последнем этаже. Привычно все дети жили отдельно. Их старались разделить. Каждому выделяли свою комнату. У Симпатии их было три. Ещё одна в подвале, на минус четвёртом этаже и одна в Маленьком Корпусе, там, где держали всех остальных детей, каждого в своём «здесь», под замком, взаперти.

Свободно перемещаться по Лесу могли только Куклы. Детям не разрешалось покидать Маленький Корпус. Когда их выпускали из комнат, Симпатия любила проводить с ними время, но такое происходило крайне редко. Чаще Симпатия встречалась с детьми в кабинетах или в

подвале, потому и попросила поселить себя здесь.

Профессор был излишне привязан к Симпатии. Она была первой Куклой по плану, который так и не смог произойти. Всё затянулось во времени. Профессор не решался сделать последний шаг. Впрочем, тому было более чудовищное объяснение.

Главный приезжал почти каждый месяц. Его волновал единственный образец. Когда он впервые увидел Симпатию, он поверил в этот проект. От неё осталось немного, но пока она жива, он будет продолжать эксперимент. Из маленькой девочки Симпатия превратилась в уродливое озлобленное существо, прекрасное в своей способности выживать.

Дверь в кабинет открылась. Крупный человек схватил ребёнка за руку и потащил внутрь. Неожиданно, тот стал сопротивляться. Страх всегда просыпается не вовремя. Либо слишком рано, либо, когда уже вариантов отступления нет. Мальчик кричал неразборчивое «Помогите» и пытался вывернуться из крепких лап санитаря.

— Поздно. Бесполезно. И хватит кричать. Мы здесь для этого и собрались.

Профессор производил впечатление съехавшего с

пути. Всё в нём внушало седативный эффект. Пыльный, изношенный костюм, костлявые оковалки, совершенно безумный взгляд, спокойная, даже слегка заторможенная речь, не могли напугать, безобидный старикашка. По всему кабинету были разбросаны какие-то бумаги и книги, журналы, и всякие записи. Мальчик подошёл к столу, за которым сидел Профессор, и сел на стул. Крупный человек вышел из комнаты и закрыл дверь. Складывалось ощущение обычного разговора, за которым не следует ничего. Ребёнок тут же принялся рассматривать кабинет. Профессор достал журнал и что-то долго писал.

В углу комнаты стоял странный аппарат. Скорее, он напоминал огромный сундук или ящик. Дети любят такие. В них можно спрятаться, а ещё, часто в них можно что-то найти. Этот угол вызывал у мальчика интерес. «А что у вас там?» — хотел он спросить, но страх подавлял желание говорить.

— Тебе, наверное, интересно, что это?

Профессор встал и подошёл к ящику. Мальчик кивнул головой. Такое бывает со всеми, не только с детьми. Отвлечение. Мы часто не видим игру, которую развернули для нас. Наш взор упирается в образы и картинки, намеренно расставленные заслонять горизонт, за которым уже стоит ловушка, капкан.

— Ты можешь подойти.

Профессор включил аппарат. Загорелась зелёная лампочка, раздался звуковой сигнал. Любопытство ребёнка вытолкнуло его со стула и вмиг переместило в тот самый угол, где стоял Профессор и жужжал загадочный аппарат.

— Мы должны проверить твои показатели света. Если тебя это пугает, мы можем прекратить.

Ребёнок не понимал, о чём говорит Профессор. Он стоял у аппарата, изучая панель с кнопками и стрелками. Вскоре звук прекратился. Лампочка погасла. Профессор внимательно посмотрел на панель и пошёл к столу, опять что-то записывать в свой журнал.

— Это всё. Ты можешь идти. Попроси зайти другого.

Мальчик выдохнул и побежал в коридор. Санитар усадил его на лавочку.

— Он просто разговаривает. Не бойся, иди.

Дети спокойно, по одному, заходили в кабинет и совершенно довольные выбегали обратно. Прошло почти два часа. Все уже изрядно утомились в ожидании. Если всё закончилось, почему они всё ещё здесь, сидят, неужели будет продолжение? Дверь кабинета открылась

в очередной раз. Профессор вышел и протянул санитару лист бумаги.

— Мне нужны только эти двое. Остальных верните.

Санитар куда-то ушёл. Профессор подошёл к детям.

— Я хочу поговорить о том, как устроен этот аппарат, — Профессор улыбнулся. — Но вижу, он не всем интересен. Звук, который вы слышали, издаёт ваша душа. С ней можно разговаривать.

Профессор продолжал говорить, уже возвращаясь в свой кабинет. Станным образом, послушно за ним пошли дети. Двое. Мальчик и девочка. Казалось, остальных действительно не интересовал подобный разговор. Профессор закрыл дверь в кабинет.

— Вы верите в душу? Она, к сожалению, есть у всех. Сидит внутри каждого, но мало кто с ней разговаривает.

Дети подошли к аппарату.

— Можешь включить, если хочешь поговорить с ней. Нажми вот эту кнопку.

Мальчик нажал «вкл». Загорелась лампочка. Послышался звуковой сигнал. Звук напоминал скрип, переходящий в завывания.

— А вы знаете, о чём она говорит?

Девочка осматривала себя.

— Мне кажется, ей во мне не нравится. Можно её как-нибудь отпустить?

Мальчика больше интересовал аппарат.

— А вы когда-нибудь видели душу?

— Хотите на неё посмотреть?

— Конечно, хотим!

К тому моменту остальных детей уже куда-то увезли. Симпатия смотрела в окно и считала.

— Не хватает двоих, неужели все остальные ненастоящие?

Детей посадили в автобус. Лес опять опустел.

— У нас был очень интересный день. Пришло время вам со всеми познакомиться. Встретимся с вами завтра.

Профессор вышел из кабинета. В коридоре стоял санитар. По каким-то причинам дети перестали бояться.

— Я покажу вам комнаты. Ужин в семь.

Он взял детей за руки и повёл через Лес.

— Здесь опасно. Не верьте всему, что увидите и услышите.

Они подошли к Маленькому Корпусу, который прятался в самой глубине Леса.

Всю ночь Симпатия провела в подвале. Как ей казалось, это самое спокойное место из всех, что она знала в Вундском Лесу. Ей не нравились новые дети.

— Бесплезная трата времени, я надеюсь они умрут.

Обычно это делали именно здесь, в подвале, избавляли детей от их недоразвитых тел. Это место перестали убирать ещё в начале. Никто не видел в этом смысла. Попросту кровь не успевали смывать. Она хлюпала под ногами, Симпатия любила бегать здесь. Длинный коридор и пять блоков. На лифте сюда привозили детей и увозили оставшееся от их тел в конце каждого дня.

Кому-то достаточно увидеть нечто однажды, есть не так много видов, на которые можно смотреть вновь и вновь. Многие моменты забываются и выветриваются, в памяти задерживаются не все. Симпатия видела мир во всех картинках, которые произошли, они не исчезали с поверхности, однажды на неё всплыв. Всё случившееся оставалось на своих местах. Событие начиналось и заканчивалось, повторялось ещё и ещё. Всё, что когда-

то произошло в Вундском Лесу, в этих сценах и мигах по кругу жило. Подвал, как и все этажи, здания, коридоры и сам, разумеется, Лес не отпускали никого и ничто. Новые события случались и происходили, но они не отличались для восприятия от тех, что уже произошли. Таким Лес видели все, мало кто мог отличить событие новое от того, что уже не в первый раз воспроизводится здесь.

Профессор всегда сидел на лавочке у пруда и молча смотрел в его мрачную глубину. Этот Профессор ни с кем не разговаривал. Случилось это давно, но повторялось вновь. Было ещё несколько мест, в которых Профессор постоянно жил. Это место не имело прошлого. В разных уголках Леса время имело свой ход, оно бежало быстрее или останавливалось и ползло, но всегда было настоящим, меняя лишь темп, скорость всего.

Симпатия заглянула в каждый блок. Повсюду была суета, крики, тележки, возня, которые уже произошли и крутились на повтор. Это было удобно. Везде не успеть. В конце дня Симпатия обходила весь Лес, не пропустила ли она чего, хотя были моменты, на которые она не в первый раз приходила посмотреть. Сегодня она была весь день наверху, в своей комнате, после приезда детей, и многое успело произойти без неё. Как выяснилось, нового ничего. Предыдущие дети в каком-то количестве себя оставались

живыми. Те дети, которых привезли в предыдущий раз. С ними долго возились. Симпатия злилась. И всё это, потому что Профессору запретили быстро убивать. Сегодня их слегка попилили и отправили спать. Симпатия осмотрела тележку.

— Руки и ноги, а где же хоть одна голова?

Сейчас в Доме находилось около десяти детей. Около, потому что от кого-то осталось меньше половины себя. Но завтра важный день. Освобождения. В эту партию мало кто верил. Если честно, никто. Они отправятся в пруд, но чудеса случаются даже в таких местах, как Вундский Лес.

— Подготовили три стола.

Симпатия осмотрела детские карты.

— Я убила бы всех.

Она села в кресло, едва удерживая себя от мысли схватить инструмент. Если бы не новые дети, она решила бы избавиться себя от пары ненужных частей, но ей не хотелось оказаться взаперти на несколько дней. Профессор запретил Симпатии распоряжаться своим телом. Оно уже давно принадлежало не ей. Наказание невыносимая скука. Комната в Маленьком Корпусе, клетка на вечность двух дней. Она сидела и ждала, когда случится что-нибудь новое, рассматривая повторы

предыдущих событий.

Послышался звук лифта.

— Неожиданно.

Симпатия посмотрела на часы и побежала встречать сюрприз. Монстр Кей катил пустую тележку.

— Почему она пустая? И зачем ты здесь? Будешь делать всё сам? Он тебя попросил? Значит, он думает, что они настоящие?

Симпатия почти ещё раз обиделась, но Монстр Кей успел.

— Так никто не думает. Он напрасно мучает этих детей.

Симпатия едва попевала за Монстром.

— Давай убьём всех! Попросим других, у этих шансов нет!

Симпатия только заметила, как они уже находились в той части коридора, куда никто не заходил уже давно. Очень давно.

— И что мы здесь делаем?

Перед ними были боксы. Первый, второй и Вох номер три. Симпатия не могла рассчитывать на такое.

— Это лучше, чем смерть. С чего вдруг такое решение? Он туда не засовывал после тебя, по-моему, никого. Даже я в эту мясорубку не полезу.

Монстр Кей открыл Вох номер три.

— Ты глупая Кукла.

Они смотрели на Вохы.

— И что, сразу всех? И тех, что сегодня привезли?

Монстр Кей достал журнал.

— Двадцать первый и тридцать восьмой, Вох номер два и номер три. Четырнадцатый и девятнадцатый на столы.

Утро не казалось обычным. Детей не стали кормить. А зачем? Они и без того излишне привязаны к материальному миру. Напрасно. Что они получили взамен? Беспомощность и бесполезность своих тел. Все эти навязчивые привычки изо дня в день набивают содержанием пустые жизни. Мы больше, чем материя, мы жизнь, а не просто материал.

Каждое утро детей собирали в зале. Профессору нравилось что-то говорить. Это что-то не отличалось по своей сути, он рассказывал одну и ту же историю, за исключением деталей, которые были важны.

— Здесь есть всё, но мы видим лишь часть. Не выбираем сами, на что будем смотреть. Видим, что дали, что получилось, это не наше поверхностное «здесь». Глаза не умеют, но должны, как руки и ноги быть вашим инструментом, вы должны ими владеть. Разве это так хорошо, не уметь контролировать себя, не управлять своим телом, его частями? Для чего они вам, их придётся удалить.

Каждое утро так вот и начиналось. Вчера рассказали про ноги. И тем, кому они не нужны, теперь уже нечем управлять. Дети знали, если твой номер не сказали сегодня, завтра узнаешь, от чего тебя будут освобождать. Части отбирали не сразу. По одной в неделю. Это и правда был долгий путь. С расписанием знакомились сразу, на последующие изъятия, за неделю вперёд, чтобы дети осознавали последствия жизни и учились распоряжаться собой. Гуманный подход, если смотреть на форму, и не заглядывать в содержание.

— Четырнадцатый и девятнадцатый, глаза удалить. Они не должны больше видеть. Я не хочу, чтобы вы отвлекались на окружающий мир! Вы должны увидеть свой!

Симпатия крутилась у Вохов.

— Так и будешь молчать? Из кого делаем фарш?

Монстр Кей, разумеется, знал, кого отправят в Вохы. Знала и Симпатия, но вот только эта набивка, она не вызывала интерес, по крайней мере, у тех, кто знал процесс. Симпатия надеялась, это будет Домино. Из всех кукол должны были выбрать его.

— Два бокса, он не уверен. Две попытки. Так с кого мы начнём?

Все дети, за исключением новых, были крайне слабы. В них и правда не верил уже никто. Даже сами они. Всем уже удалили глаза, кроме последних двух. Четырнадцатый и девятнадцатый постоянно смотрели в никуда. С этим справятся и пустые дырки. Не дети, а пустота. Но и она может пригодиться, у всего есть смысл, если его искать, без пробелов, всё было бы слитно.

Монстр Кей положил детские карты на стол.

— Это все. Он хочет всех засунуть в Вох?

Симпатия перелистывала карты.

— Восемь. Зачем тогда этих двоих на стол?

Монстр Кей открыл карты четырнадцатого и девятнадцатого.

— Их глаза неживые. Видишь плёнку?

Симпатия пристально посмотрела на просвет глаз.

— Внешне они выглядят вполне нормальными. Хотя, руки, ноги, многое внешне выглядит живым, нормальным, а потом смотришь, повнимательнее, это не так. Ничего живого тут и нет. Значит, время всё-таки пришло.

Симпатия заглянула в Вохы.

— Неужели мы снова встретимся?

Послышался звук лифта, и Симпатия побежала встречать гостей. Их уже заждались. Детей приготовили к освобождению. Симпатия посмотрела на столы, эта часть её никогда особенно не интересовала. Зрелище так себе. Никакой красоты. Звуки, шумы. Она вернулась в коридор и стояла у лифта.

— А где же остальные? Ещё шесть.

Долго ждать не пришлось.

— Только двое?

Наконец-то появился Профессор. В руках он держал само будущее, хоть и сделать его придётся из этих детей. Всех сейчас интересовал результат, а не сам процесс. Конечно, для детей результат уже не мог изменить ничего, он был заранее известен всем. Они станут набивкой, можно сказать, их как не было, так уже, считай

и окончательно, без пяти минут нет. Симпатия пыталась заглянуть в тетрадь.

— Одни цифры, каракули. Руками сам научился бы хоть писать.

— Вох номер два. Объект 3721.

Профессор открыл описание объекта.

— Почему не Домино?

Симпатия всё ещё надеялась, это только попытка «один». Профессор спокойно продолжал.

— Вох номер три. Объект 3721.

— Начинать с них? Я думала, они тебе не нравились. Хотя, если ты не уверен, возможно, ты и прав. Не хочу, чтобы Домино страдал.

Симпатия успокоилась. Ненадолго.

— Prodrome готов.

Дети находились внутри Вохов. Каждый отдельно. В своём. Чуда не произошло. Не сказать, что его ждали, но это был неприятный старт. После включения детей разорвало практически сразу. Ошмётками раскидало по кабинам два и три. Монстр Кей зашёл в Вох номер три, проверил барабаны.

— Всё в порядке.

Профессор проверил описание объектов 3721.

— Приведи ещё двух. Попробуем этих.

Монстр Кей посмотрел на новое описание 3721. Дети ждали наверху, в кабинете. Их по очереди спускали вниз, чтобы не создавать толпу, на самом деле, подвал пугал детей. Эмоции заразная вещь. Здесь и без того было тяжело работать. Суета и крики без смысла не нужны никому.

Всё повторилось, за исключением описаний объектов 3721. Профессор каждый раз менял их. Ну и, конечно, детей. В остальном, всё как в первый раз. Никаких чудес и грязные Вохы. Минус восемь маленьких детей. Это был тяжёлый день. Профессор вернулся в кабинет. Симпатия осталась в подвале. Монстр Кей собирал тележки. Наспех санитары убрали блоки и коридор.

— Здесь никогда не будет чисто, как бы ни выглядел первый слой.

Симпатия смотрела на ванны. Наполненные кровью, они напоминали колыбель. Симпатия хотела бы очутиться в такой, перерыв нужен всем, жизнь весьма утомительный процесс, но она понимала, у её жизни не будет конца, и это только начало. Идеи и мысли бывают

неправильными, когда в них отсутствует смысл, а если он есть, чудовищный и безумный, мы просто говорим «Результат требует жертв».

— Осталось двое. Мальчик и девочка.

Симпатия неожиданно решила навестить детей. Она быстро прошла через Лес, не отвлекаясь на других себя, которые застряли каждая в своей петле, последовательностью мигнов от нескольких часов до нескольких дней. Магнитные пузыри, так называли этот феномен. Они постоянно появлялись по всему Вундскому Лесу, в них не происходило ничего нового, захват события и его повтор.

Реальность удивительна в своих проявлениях. Профессор неоднократно пытался избавиться от магнитных пузырей, в итоге появилось несколько крупных пробелов, природу которых объясняли непонятными словами «энергетический разлом», на деле за этими разломами предположительно находился другой экстенд. Всё попавшее в пробел исчезало. Сама дыра напоминала Ничто. Снаружи пробелы не увеличивались, и не уменьшались, будто часть картинки мира кто-то случайно удалил, стёр, но по своей глубине они, казалось, вообще не имеют дна. Туда отправляли всё подряд по началу, позже оградил, чтобы случайно в дыру не угодил

никто. Можно разделить и разобрать что угодно, как оказывается, кусок пространства тоже можно превратить в ничего, но вот собрать из ничего что-то Профессор не мог. Это разочаровывало и злило не только его.

Симпатия нашла детей в своих комнатах. Маленький Корпус был пуст. Эти дети не знали ещё почти ничего, весь день они разговаривали со своей душой. Завтра их ждёт первый день. Судя по энергетическим картам, тянуть не будут, удалят каждому несколько частей. Внешне их тела казались живыми, но показатели света были слишком высоки. Практически полностью они для науки не считались живыми. Хотя Профессор заметил в каждом следы STRS. Именно эти части были отмечены к освобождению.

Это обрадовало Симпатию. Вопрос был не в детях, уж точно не в этих, на кону стояли жизни всех, детей и людей, весь мир ждал ответов на вопросы «Зачем мы умираем» и «Кто придумал Смерть». Профессор долго старался. Он убил слишком много детей. Особенно в самом начале, когда в его идею верили все. Есть такие, они не умеют останавливаться. Он доведёт дело до конца, любой ценой, ему наплевать на всех, Профессор всегда был таким.

Симпатия смотрела на детские карты. Удаление будет

произведено один раз, и всё, никакого другого, ещё. Он не будет этих детей освобождать до конца. В этом, конечно, не было смысла, STRS присутствовал только в следах, но такое уже было, и это не останавливало прежде никого. Что изменилось на этот раз? Неужели их решили закрыть? И что теперь будет со всеми?

Разговаривать с этими детьми Симпатия не видела смысла. Они не поймут ничего, из того, что она может им рассказать. Надо ждать, когда они увидят всё сами. Может быть, завтра, после подвала, с ними будет о чём говорить. Симпатия бродила по коридору, заглядывая в каждую комнату, её преследовало желание встретить кого-нибудь. Но живых здесь не было давно. Одни воспоминания.

Неужели прямо здесь и правда есть всё, глубина, слои, но мы залипли, застряли на поверхности первого слоя «тут» и не можем увидеть больше, не можем заглянуть вглубь. Ничто не появляется из ниоткуда, и не исчезает в никуда, мы не умеем смотреть, видим лишь часть. Все они, кого мы утратили, потеряли, сейчас где-то есть. Мы просто не видим их «здесь».

Попытки заглянуть внутрь пространства, преодолеть глубину, можно было бы считать напрасными, если бы не результат 3721. Они ждали, когда их соберут. Пылились описаниями в журналах, на полках, прошли долгий путь,

нужен был материал. Все мы сделаны из чего-то. Материя имеет упругие формы, чтобы мы могли её воспринимать.

На окраине Леса располагались накопители энергии. Два огромных эллинга с катушками STRS. От них под землёй к Главному Корпусу проходили кабели непосредственно к Вохам, в которых STRS снимали с объектов, эта энергия шла по кабелям в Хранилище. Накопители были пусты. 3721 оказались взаперти. Всех волновало одно, как достать их в Настоящий Мир.

STRS снимали со всех объектов, но не всё можно было затащить в подвал. В этих топках горело многое, оставляя после себя синий песок. Им был покрыт весь Лес. Синяя пыль, что осталось от объектов, отдавших свою жизнь. С любого объекта энергию можно снять, если она есть. И это проблема, во многих её слишком мало, практически нет. С детей ещё не снимали. Это был первый раз, напрасный, он ничего так и не дал. Катушки по-прежнему были почти пусты.

STRS, связность, если говорить понятными словами. Объекты привычного окружающего мира состоят из частиц. Главное не то, из каких, а «что» все их удерживает вместе, как нечто, воспринимаемое нами в виде вполне определённого объекта. Если энергию связности убрать из объекта, он рассыплется на невидимые глазом те самые

частицы, буквально растает в воздухе, превратится в пыль. Чем больше STRS в объекте, тем он крепче внутри себя связан. Понятное дело, связность можно забрать, можно придать. Без STRS мир оставался бы пыльным, связность формирует из пыли привычный окружающий мир.

Профессор сидел в кабинете и, как обычно, что-то писал. «Объект 3721. Описание. Имя, возраст, пол, показатели света, степень материализации, уровень STRS». Журнал жизни Вундского Леса. Список Смерти. Такими журналами были завалены в кабинете все шкафы. Теперь это просто описания, помещённые в Архив. Объект 3721, это какой-то конкретный ребёнок, в этом мире от него осталось упоминание в журнале, несколько строк. Профессор знал, где все эти дети на самом деле сейчас, живее всех живых, скоро он вернёт их, иначе Профессор не стал бы всё это начинать.

Прошло много лет, за эти годы сомнение посещало всех, успокаивала и вдохновляла всегда единственная фраза «А что мы теряем, кому нужна невозможная жизнь?». Все устали. От жизни и поиска пути. Дети всё умирали и умирали. «Лучше бы ты ничего не находил». В голове Профессора мелькали обрывками мысли, словно черви они ковырялись в его глубине, сомнения, страхи, не в правильности решения, скорее в неуверенности, как

новое изменит жизнь. Чем дальше, тем больше.

Профессор видел мечты. Вундский Лес не имел многого, к чему за воротами привыкли, и то новое, что оживало здесь, должно было уничтожить весь Настоящий Мир. Эту часть Профессор не рассказал сразу никому. Когда они узнают, не будет никакого обратного пути, отката не будет, нас ждёт больше, чем просто другая жизнь. Может ли один человек принимать решения за всех, распоряжаться миром как своим? А кто ему помешает? Профессор посмотрел на часы. Слишком поздно. Сомневаться и о чём-то думать. У нас не осталось времени. Мира уже нет. И только здесь, на поверхности, некому это заметить. Жизнь догорает свои последние дни.

В воздухе жужжало и подёргивалось электричество. Воздух терял привычную плотность. Раздался неприятный звук предупреждающего сигнала. Этот был одним из самых неприятных. В кабинет вбежал механист.

— Полетели щиты. Третий и восьмой.

— А вот и приключения! — вскрикнула Симпатия и побежала к Главному Корпусу.

— Напряжённость пространства падает. Третий щит. Уже двадцать один процент.

Показатель двадцать один это мало. Третий щит

удерживал участок на въезде. Дорога и пустой Лес. Никаких строений, эту часть сейчас рассыпало на пыль. Все объекты в радиусе действия щита номер три медленно растворялись в пространстве.

Привычная плотность поддерживалась на отметке пятьдесят один, максимум пятьдесят четыре процента. В таком воздухе немного немало объектов, но они есть, имеют форму и плотность, стабильны. Двадцать один процент это отсутствие связности внутри объекта между частицами настолько, что объект разваливается, теряет и не держит себя. Такая связность это облако пыли, неплотные образы, миражи. Дорога, деревья, всё размывалось нечёткими контурами.

— Третий щит. Напряжённость продолжает падать. Четырнадцать процентов.

Механисты работали со щитами. Восьмой щит удерживал хозяйственные блоки недалеко от основных корпусов.

— Восьмой. Напряжённость двенадцать процентов.

Вундский Лес не имел случайной интенсивности. Его периметр контролировали щиты. Всего тридцать. Каждый свою часть территории, пространство внутри действия щитов имело заданную связность. Объекты не могли

появиться и присутствовать в местах, где связность была ограничена. Здесь висел воздух и пыль. Стоило повысить связность, в пространстве пыль слипалась в объекты, вырисовывалось всё, что прежде не могло себя проявить.

Чем измеряется жизнь? Количеством заданных связей. Это всё, что позволяет сделать объект из того, что мы привыкли называть «воздух» или «пыль». В любой момент от всего Леса можно было оставить ничем не заполненное пространство. Щиты находились внутри того самого радиуса, в котором контролировали жизнь. Механисты не решались войти, никто не видел в этом смысл. Их развалило бы на частички до того, как что-то ещё успело произойти.

Случай неприятный, к тому же и не запланированный.

— Ни дороги, ни части Леса. В это он решил превратить весь мир?

Симпатия грустно смотрела на въезд. На то ничего, в которое лучше не заходить. Механисты бегали, проверяли другие щиты. Такое могло повториться. Полететь мог любой, из оставшихся двадцати восьми, щит. К утру проблему решили. Кабели. Случился обрыв.

Дорогу, деревья и хозяйственную часть быстро восстановили. Это было красиво. Симпатия не

хотела, чтобы дети пропустили такое. Она привела их посмотреть, как удивительно устроен мир. Они стояли перед огромным ничем, внутри которого было ничего из обычного воздуха. Надо было видеть лица детей. Различимыми и заметными появлялись пылинки. Они притягивались одна к другой, на глазах обрастая в картинку. Наконец-то отключился звук предупреждающего сигнала. Из ниоткуда появились дорога, деревья и въезд. Симпатия шагнула вперёд.

— Она настоящая!

Симпатия топала по дороге, поднимая синюю пыль вверх.

— Всё как было!

Дети зашли в нарисованный мир. Именно таким они видели всё, что только что появилось прямо из воздуха, именно так и устроена жизнь.

Лес вернулся к обычной жизни. Утро пришлось отложить. Все были заняты щитами и теперь суетились доделать оставленные ночью дела.

Дети чрезмерно любопытны. Кто знает, стоит ли это поощрять, они задают много вопросов, хотят всё знать, и как следствие, зачастую оказываются в ненужных местах. Симпатия увлеклась происходящим и когда придумала,

чем заняться, в это долгое «пока всё вернётся в как всегда», она не нашла половину детей.

— Когда он исчез?

Осталась девочка. Она смотрела в сторону пруда.

— Он пошёл туда.

Идея не показалась Симпатии хорошей. Гулять здесь, да ещё и вблизи болота.

— Ну пойдём, посмотрим на Мрак.

Идти долго не пришлось, они оказались на месте слишком быстро. Всё интересное уже произошло. Санитары сваливали части детей, оставшиеся после уборки подвала, с тележек в пруд.

— Теперь они будут жить здесь. Если захочешь с ними поговорить, сиди и молчи.

Симпатия села на лавочку.

— Они не любят разговаривать вслух.

Над Мраком висели испарения, мальчик внимательно рассматривал образы, казалось, они вот-вот оживут. Страшный гул со дна водоёма напугал детей.

— Такое не должно происходить днём. Но вчера было

не до них.

Что-то поднималось на поверхность Мрака, но остановилось, не всплыв.

— Это Phialy. — успокоила Симпатия. — Они будут открыты. Лучше не быть здесь.

Симпатия шла к Старому Корпусу. Дети молча шли за ней.

— Phialy ловят ЭХО. После них в Лесу чисто. Ни одной мысли в воздухе, всё на съёмниках. В голове тишина.

Симпатия оставила детей у кабинета и поднялась к себе в комнату наверх. Кровать, маленький стол, окно, подоконник, и целая куча друзей. За полгода ни одной новой куклы. Последнюю она сделала для Слона, месяцев шесть назад. Это был очень неуклюжий и крупный мальчик. Все куклы в комнате Симпатии были сделаны для друзей, с которыми она встретиться уже не могла. Её не пускали туда, где Профессор держал их, она делала куклы и продолжала поддерживать с ними связь. Малышка, Мимо, Слон, Шторм, Вездемен, Шило, Nullabaloo и Домино. Все они сидели на подоконнике и смотрели в окно. Таких особенных детей больше не привозили в Лес.

На столе лежали детали для новой куклы, но Симпатия

не имела привычки привязываться к пустоте. Все последние дети просто прочерк в какой-то графе. Были и нету. Их ждал пруд и запись в журнале. Это они портили весь эксперимент. Симпатия села на подоконник.

— Когда-нибудь ему придётся выпустить вас. Вчера я надеялась, мы снова встретимся. Ваши щиты последними полетят. Он боится только за них. Не знаю, чем вы напугали его. Результат невпечатляющий, с какой стороны ни смотри. Он не может больше никого найти. Привозит одни руки и ноги. Даже если очень долго искать, в пустоте нельзя ничего найти.

Прошёл весь день. Симпатия заметила, как детей возвращают в Маленький Корпус. Санитары везли их на колясках.

— Ничего особенного. Две руки, нога и пара глаз.

Симпатия разглядывала фатомные части. Они светились неплохо. Детям объяснили, как пользоваться тем, что появилось на месте удалённых рук и ног. Быстро такому не научишься, но детей увлекает подобный процесс. Они стали полноценными Метами. Ими был полон Вундский Лес. Здесь все и всё имели как материальные, так и фатомные части себя. И не больше. Только части от тел. Симпатия спустилась в подвал.

— Ты опять недоволен?

Она подошла к Профессору. Он выглядел растерянно.

— И что мы будем делать теперь?

Монстр Кей разбирался с Вохами. Первый постоянно коротил, его никак не удавалось подключить.

— Смысла в этих детях точно никакого нет. Будешь продолжать, они умрут на столах.

Монстр Кей закатил в блок освобождения тележку.

— Будешь продолжать?

Профессор не любил останавливаться. Он искал предел и всегда его находил. Как выяснилось, здесь предела нет. Нечего находить. Бесполезно искать. Монстр Кей собрал в тележку оставленное детьми.

— Мы нашли всё, что смогли. Не всех можно переделать, тем более спасти. Вохы готовы. Все три.

Профессор подошёл к Вохам.

— Ты прав. Ничего не получится.

Симпатия зашла в Вох номер три.

— Как-то грустно вы всё это говорите. Звучит вдохновляюще! Наконец-то! Я и не думала, что доживу до

этих слов.

Они смотрели на Вохы. Вот так перевернулась страничка истории. Истории, в которой погибнет всё. С детьми и правда затянулся момент.

— Ты хотел доказать, что они невозможные. Сколько ещё тебе нужно жертв?

Профессора беспокоили исключения. Те самые, особенные. Но сколько таких? Не убивать же из-за них всех. Убеждать Профессора никто не собирался, Монстр Кей и Симпатия знали его лучше, возможно даже, чем он сам. Решение Профессор уже принял. Это было заметно, оставалось немного подождать.

Симпатия утомилась от разговоров с Профессором. Какие же это разговоры? Он всегда молчал. Почти всегда. А когда говорил, лучше бы и не начинал. Сидит там внутри, у себя, и даже в глазах стена. Будто всё это снаружи какая-то ненастоящая игра, а жизнь проходит там, внутри, для одного «я». Верит ли он вообще в существование людей?

Симпатия не сказать, что любила Вундский Лес. Просто дом, без которого она не представляла себя, но было несколько важных мест, где она старалась каждый день побывать.

Поля. Здесь связность контролировали, как и везде, щиты. Интенсивность пространства ограничили до показателя пять процентов. Это почти ничего. Название полей это место носило весьма условно. Скорее пустые просторы. Ни один объект внутри не мог сформироваться и появиться. Связность близка к нулю. В воздухе болтались пылинки, да и те удерживали себя с трудом, чтобы не рассыпаться на ничто. Когда-то здесь было красиво, и в любой момент могло вернуться и быть, но в Вундском Лесу решение принимал человек, которого пугала созданная им красота. Всё, что находится здесь, должно быть не просто скрыто от всего мира, оно вообще как бы должно перестать быть. Не всё можно разобрать, удалить, навсегда или обратно, вероятно, этим и пугала профессора созданная им тьма. Её можно лишь спрятать, но даже контролировать не хватит ума. Было время свободы, эти места дышали за весь Вундский Лес, это быстро прошло. Страх мешает. И тем, кто боится, и тем, кто наводит его. И вот итог. Ключ, тюрьма.

Ложные представления о себе и о мире создают спокойную, пустую жизнь. Мы всё знаем. Всё объяснили. Остального нет и не может быть. Сколько неприятных сюрпризов ждёт нас на этом пути. Достаточно в чём-то одном усомниться, и развалится весь построенный на догадках и вымыслах игрушечный мир. Однажды

не за горами. Его спрятали здесь, не знают, как с этим справиться, ищут выход, которого нет.

Погода весь день стояла неприятная. Дождь, не так чтобы лил, неприятная сдержанность во всём. Унылый серый пейзаж. Вместо неба размытое грязное пятно. Симпатия возвращалась к себе, но бывает же такое. Не таким уж и плохим был день. У Главного Корпуса стояла машина. Та, которую не любили все. Дело было не в ней.

— А ему чего надо?

Симпатия, и не только она, не особенно понимала смысл таких людей. Главный, и не только здесь. В принципе Главный. Главнее нет. Он принимает все решения. Ему принадлежит мир, вот только, что делать с ним, с этим миром, как и зачем, он не знает, умеет только хотеть. Хочет за всех, нам от его желания только делать досталось. Каждый раз его надо убедить, всё, что мы собираемся делать, есть его желания и мечты. Мы стараемся делать быстрее, и лучше ему не знать, как далеко мы уже зашли.

— Сколько можно продолжать? Ты хоть сам понимаешь, считаешь детей? Твой НИИ превратился в мясокомбинат! А какие результаты? Для чего это всё? Для чего ты и весь этот Лес? Можно долго ждать, и я тебе давал много шансов, но теперь я уже не так уверен, что всё это

безрассудство возможно продолжать!

Главный редко выходил из себя. Да и то ненадолго. Он сразу же возвращался. В кабинете стояла тишина. Симпатия сидела на подоконнике и смотрела на Лес. Профессор листал журнал. Главный подозрительно молчал.

— Ну давай уже, договаривай, — подумала Симпатия.
— Не молчать же приехал. Мог бы и у себя в кабинете постоять.

— Мне нужны результаты! Мы не можем больше продолжать!

Профессор умел удивлять. Он закрыл журнал и вернул его на место, в шкаф.

— Ты прав. Мы должны прекратить это прямо сейчас. Я думал тебе сам сказать.

Неожиданный поворот.

— Ничего не получится. Мы зашли далеко, это не стоило того. Можно было остановиться раньше. У меня были сомнения. Больше нет.

Главного смыло волной бушующей страсти. Последующие тридцать минут бессмысленный разговор.

— Сомнения! И теперь наконец-то их нет! И ты сейчас это понял? Ты хоть понимаешь, что будет с нами, если мы остановимся сейчас? Напомнить тебе, сколько мы этим занимаемся? Десять лет. Десять! Сколько ты замучил детей? И что теперь? Разонравилось? Надоело распиливать, начинай сжигать!

Главный открывал шкафы и разбрасывал журналы.

— Мы не можем остановиться! Ты должен продолжать! Подумай о них! Обо всех этих жертвах! Все они просто так? Потому что ты устал и перестал видеть в происходящем смысл? Мне нужно, чтобы ты передумал. Возможно, мы уже слишком близки. И ты хочешь сдать у победной черты. Это был сложный путь. Но мы ещё не пришли.

Отчаяние завладело Главным. Он не просто уговаривал, он умолял продолжать убивать маленьких детей. Последующие тридцать минут его монолога вой на луну.

— Мы хотели из пустоты создать вечность, настоящую, а не эту невозможную жизнь. Сколько можно умирать? У нас нет ничего, мы просто наблюдаем за этим миром, но по-настоящему не можем ничего. Ты обещал изменить нашу жизнь. Это просто мечта? Всё таким и останется? Я такое услышать не готов.

Главный как будто отключился, а не просто успокоился. Он сидел в кресле и молчал. А вот Профессор напротив, задёргался. В своей привычной манере второго режима, (всего режимов было два, ВКЛ и ВЫКЛ, ВКЛ считался вторым, потому что Профессор редко включался в окружающий мир, чаще он для «снаружи» был в состоянии ВЫКЛ), он достал журнал и принялся что-то рассказывать и объяснять.

— Продолжать нет абсолютно никакого смысла. Из ста пятидесяти тысяч мы отобрали полторы. Из них только тридцать подтвердили результат. Из ста пятидесяти тысяч, тридцать человек, это получили мы! Но даже это ничего не обещает и ни о чём не говорит. Цифры будут меняться. Мы не спасаем мир, мы планируем его убить.

Главный и сам понимал, отсутствие результатов в самом начале пути не очень хорошо, это мягко говоря.

— Такой низкий процент. Как возможно? Мы же делали расчёты?

Профессор достал журнал. У него на всякий случай, на любой на всякий, был журнал. Подход ответственный, зачем, правда, тогда вообще нужна голова.

— Эта выборка случайная. Первые сто человек. Потенциально из них были готовы пятьдесят. Ты решил,

так и будет дальше. Нам повезло в начале, каким-то образом. Распределение вероятностей не происходит равномерно. Это цифры. И они прячутся где хотят, мы лишь предполагаем, что нам предстоит найти, но случиться это может когда угодно, в начале, в конце, посередине, и крайне редко, я сказал бы никогда, равномерно на этом пути поиска статистической вероятности. Мы искали грибы. И нашли сразу все. А потом просто ходили по Лесу. Могло случиться наоборот. Найти первый случай мы могли только через десять лет.

Главный листал журнал. Он поторопился додумывать, но повод ли это отступить. Идея была хороша, она и оставалась неплохой, вот только осуществить её было не из чего, точнее, не из кого. Людей, подходящих под эксперимент, так и не смогли найти. Всё это сводило идею к безумству, а журналы в Архив.

— Мы и не рассчитывали найти такое. Посмотри сам. Пятая степень встречается крайне редко. У большинства образцов шестая или седьмая.

Профессор включил экран. Красивая таблица, если не смотреть на её содержание. Все правильно, знакомые буквы и цифры, кроме порядка, в котором эти буквы и цифры аккуратно раздавлены.

— Шестьдесят семь процентов вообще не имеют STRS.

Следы. Тут некого освобождать. Они только кажутся живыми, всё что мы можем для них сделать, сказать, когда их ждёт окончательная смерть.

Главный отвернулся от экрана.

— Все эти журналы на полках, это те, кто составляет шестьдесят семь процентов. Они все не прошли Фазисный Переход. Пятая степень это максимальный предел.

Главный продолжал сомневаться. Такие не любят разворачиваться на ходу. Уж лучше стена. Преграда и последствия никому не нужны. Никто не думает о них. А зачем? Скажем дружно «У нас не было другого пути». Упрямыцы нужны, доведут любое невозможное дело до конца. Они и безумцы двигают мир, что мы будем делать без них.

— Оно того стоит.

— Ну вот опять. Не успокоится, пока не уничтожит весь мир, — Симпатия подошла к экрану. — Сам-то слышишь себя, людоед? Обещали вечную жизнь, а получили Смерть. Такое бывает, потому и называется «эксперимент».

Начиналось всё романтично. Они были знакомы давно. Профессор и Главный. Между ними была гора достижений и трупов. В этот день в кабинете Главного раздался

звонок.

— Профессор, скажу тебе прямо, у меня нет времени, но я удивлён, постарайся меня слишком не отвлекать.

— Ты должен приехать, прямо сейчас. Я нашёл кое-что.

Думать долго Главный не стал.

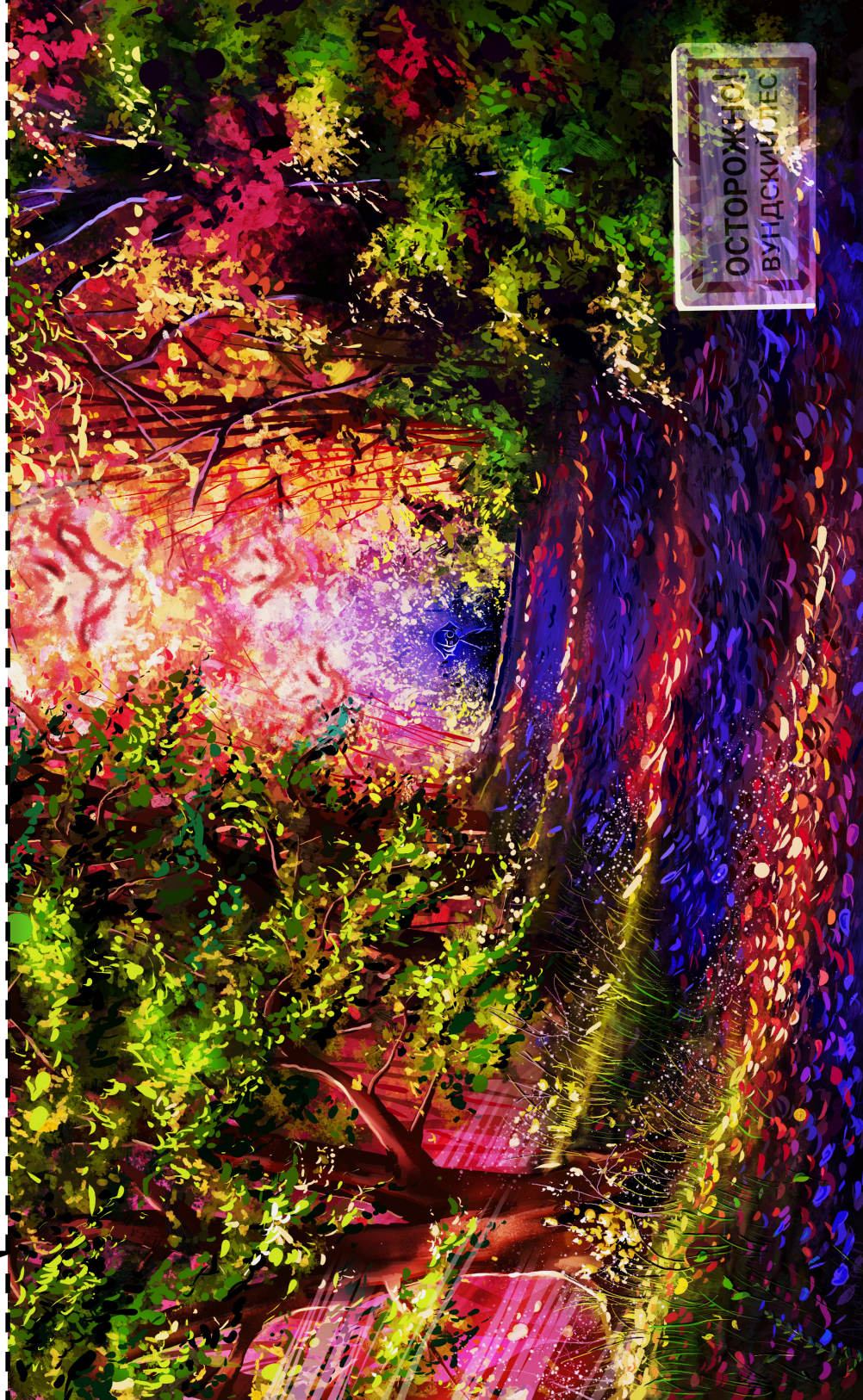
— Посмотрим, что он там нашёл на этот раз.

Профессор как ребёнок в нетерпении крутился у самых ворот. Главный остановил машину.

— Постой здесь. Дальше я сам.

Они только заехали в Лес. Главный вышел из автомобиля и вздохнул лесным воздухом. Вундский Лес завораживал своей красотой. Казалось бы, просто палки, но сколько их здесь. Прохлада и тень от палящего солнца, шуршащие листья, тишина и покой. Лёгкий ветер сдувал с Главного пыль и усталость кабинета, дороги, суеты важных дел. Он решил прогуляться, немного развеяться. В таких местах не сложно забыть обо всём.

Профессору надоело ждать. Он вцепился своими поношенными оковалками в Главного и потащил его в свой кабинет. Здание НИИ уже тогда было ветхим, Профессор решительно сопротивлялся что-то менять. Он привязывался к вещам и местам, старел вместе с

ОСТОРОЖНО!
ВУДСКИЙ ЛЕС

ними, всё нельзя отремонтировать и поменять, жизнь подвергает воздействию. А для чего ещё мы здесь? Чтобы меняться. Профессор видел красоту там, где её никто не замечал. Ему нравилась смерть как итог любой жизни. Разрушалось всё, и он любил за этим наблюдать. Как ещё понять причины любого процесса, если не стать его свидетелем, действующим лицом. Это не для удовольствия, Профессор имел очень практический интерес.

— Сейчас у всех должна быть пятая степень материализации. Четвертую я ещё не встречал. Это проблема смерти. Чем выше степень материализации, тем слабее и не стабильнее объект. Его целостность удерживается Полем, благодаря нему всё внутри объекта держится как одно и не разлетается на части. Это связность, её можно измерить, если захочешь, позже я тебе покажу, нужно спуститься в подвал.

Главный не то что не понимал, он и не слушал. В конце разговора Профессор сам скажет итог в двух уже понятных нормальному человеку словах.

— Когда тело будет иметь седьмую степень, наступит физическая смерть. Но степень материализации можно изменить. До первой или второй. Это Фазисный Переход от материального тела в фатомное. Оно,

последнее, внутри, постепенно каменеет, меняет степень материализации, умирает, его можно освободить. Это и есть освобождение от материи и от смерти. STRS должен быть во всех, в зависимости от степени, другими словами, вырождение внутри каждого объекта может быть разным. Чтобы ты ни видел здесь, на поверхности, чем меньше STRS, тем ближе физическая смерть.

Главный отвлекся в разговор.

— Первая и вторая степень это что? Идеи? Ты решил всех нас превратить в мечты?

Профессор и сам не был уверен, что со стороны звучит убедительно, но опыты кричали громко о себе.

— Ты должен с ним познакомиться.

Главный этого и ждал.

— Ну показывай, в кого ты хочешь переделать весь мир.

— Фазисный Переход необходимо пройти пока материальное тело не развалилось окончательно. Когда физическое тело умирает, никакого фатомного уже не существует внутри. Сначала умирает оно, а потом уже и как следствие прекращаются все материальные части. Если мы хотим освободиться от смерти, нам нужно вернуть первую и вторую степень. Фазисный Переход. И

освобождать фатомное тело надо при жизни физического. Этот переход не все пройдут. Чем меньше STRS, тем меньше шансов.

Главный посмотрел на графики и таблицы. Профессор стоял перед ним и чего-то ждал.

— Если будет хоть один, кто этот переход пройдёт, мы продолжим разговор. Звучит безумно.

— Он здесь. Ты можешь познакомиться с ним.

Главный посмотрел внимательно во все стороны.

— Я вот здесь не вижу никого. Так и должно быть?

Конечно же, Главный не был готов к первой встрече, к такому вообще сложно привыкнуть по той причине, что сложно понять. Надо допустить невозможное, к какому-то возрасту человек теряет способность воспринимать, этому долго учат, что видеть, чего не замечать, окружающий мир воспринимается искажённо, многое рядом перестаёт существовать, под вывеской «ненастоящее» оно ждёт, когда мы научимся видеть, искать, а не просто глазеть. Несколько мгновений Главный ничего не замечал. Его ожидания встречали не там, не того и не тех.

— Здесь немного душно, нечем дышать.

Паника уже догоняла Главного. Весь кабинет пылал

огнём, Главный пытался разглядеть дверь или хотя бы окно. Слишком поздно. Горело всё. Его руки стекали на пол, облезая с костей, всё хрустело и трескалось, было нечем и не на что больше смотреть. Он свернулся в себя, этот момент длился долго, одной лишь мыслью «меня больше нет».

— Скажешь, когда надоест.

Главный услышал незнакомый голос откуда-то снаружи, будто было что-то ещё, помимо этого тёмного здесь. Он крутился по сторонам, пытался бежать, но особенно не понимал ничего, одна и та же мысль повторялась по кругу «меня больше нет». И всё. Он хотел о чём-то подумать, что-то сделать, но мысль обрывала другие, вытесняла их и возвращала себя, вновь и вновь.

— И он здесь Главный? Я его отпустил минут десять назад.

Главный открыл глаза. Всё на месте, до того, как случился пожар.

— Что это было?

Его голос немного дрожал. Он и не предполагал вернуться так быстро. Профессор стоял и молчал. Вот только взгляд у него был очень странный. Как будто он увидел Смерть, точнее, смотрел ей в глаза, прямо сейчас,

и стояла она, судя по всему, прямо за Главным.

— Так и будешь стоять?

Послышались шаги. Они шли вперёд и вскоре пришли. Главный на всякий случай перестал шевелиться. Непонятно, зачем, это ему не помогло. Перед ним стоял человек и спокойно горел. Он протянул свою руку Главному.

— Монстр Кей, для тебя просто Монстр.

Главный взял руку и сжал, не крепко, не сильно, но вся она лопнула и растеклась. Главный ощутил неприятное жжение своей ладони. Она таяла на глазах.

— Можешь всё это прекратить?

Крикнул Главный уже раздражённым голосом. Понятное дело, кто захочет умирать два раза подряд. Исчез огонь, а вместе с ним и Монстр Кей. Ненадолго. Вскоре в комнате появился неотчётливый силуэт.

— Это Аморф. У него вторая степень материализации. Он может обойтись и без тела, может сделать его практически любым. Всю информацию от себя к тебе он передаёт и получает напрямую, от твоего Аморфа к своему, и наоборот. Ему не нужны другие способы общения, он уже всё знает о тебе, и может воздействовать

на твоё тело, передав тебе любую информацию извне. Он воздействует на восприятие.

Монстр Кей то появлялся, то исчезал, менялось содержание кабинета.

— Он мне уже надоел. Можешь его отключить?

Профессор вышел из кабинета.

— Мы можем спуститься в подвал, посмотришь на своего Аморфа.

Главный даже не задумался на миг. Через пару мгновений они стояли в подвале перед Вохами один, два и три.

— Это должно произойти здесь?

Профессор кивнул головой.

— И сколько времени нужно, чтобы превратить меня в такого как он?

— Минут за пятнадцать справимся.

Профессор не стал отговаривать Главного. Не для того он его убеждал.

— Ну давай. Освободи меня от тела. Давно об этом мечтал.

— Это не очень безболезненная процедура.

Главный уже поместил себя в Вох номер три. Яркая вспышка. Главный чуть не ослеп. Вох открылся.

— Твой STRS немного слабоват, но мы можем рискнуть.

Профессор сомневался. Последствий могло и не быть. Тех, на которые рассчитывали все.

— Так ты ничего ещё не сделал? Я здесь уже вечность торчу!

— С таким уровнем ты можешь не пройти. Тогда тебя просто разорвёт на куски.

— Но его-то вон, не разорвало. Сделай как-нибудь поаккуратнее. Сам знаешь, я твоё всё. Где ты ещё одного такого найдёшь. В науку теперь никто не верит. Хотят спокойно жить, дикари.

— Тебе надо познакомиться со всеми отчётами.

— Уже познакомился с основным твоим отчётом. Включай. Мы не для замеров сюда пришли.

Последующие два дня Главный привыкал.

— И что мне это даёт?

— Ты Аморф, Пполе. Твоё материальное тело строится

тобой, или не строится. Разберёшься сам потом.

Профессора утомил и Главный, и оставшийся от него Аморф.

— Частицы или точки, из которых состоят все объекты, держатся вместе в объекте именно Пполем, ты можешь решать, из каких точек будешь себя складывать, ты задаёшь информацию себя, и точки склеиваются в неё, в образ тебя. Окружающее подвластно тебе ограничено, при контакте ты можешь также влиять на любую форму. Ты исходный код материального мира. Общаешься на нём, воздействуешь на него, ты Аморф.

— И мы можем так освободить от материи весь мир?

— При достаточном уровне STRS степень материализации можно изменить.

Прошло десять лет. До освобождения было по-прежнему далеко.

— И теперь ты мне говоришь, это невозможно?

Профессор и сам устал.

— Аморфы удивительный вид, но вырождение зашло слишком далеко. У нас одни Меты. Можно освободить лишь какие-то части, но полностью перейти на вторую степень это убить восемьдесят, девяносто процентов всех.

— Ты говорил шестьдесят семь?

— Мы не можем продолжать.

Профессор смотрел в окно. Вундский Лес имел много Метов. Полуфатомы стулья, столы. Здания НИИ местами не имели физических стен и лестниц, но никто не обращал внимание, к этому привыкли, разница не была ощутимой, отсутствие привычки проходило быстро, особенно, помогало пристально не смотреть. Главный подошёл к окну.

— Мы близко. Но близко это не цель. Если доведём до конца эксперимент, какой ты рассчитываешь получить процент?

Профессор задумался.

— Восемьдесят, девяносто процентов не смогут пройти переход. Ты их убьёшь.

Кого смущают нули. Главный не имел привычки считать материал.

— Ну и что. Зато какая жизнь будет у других! Ты хоть представляешь, какие перспективы в этих руках!

— Чудовищные. В руках идиота.

Монстр Кей не любил молчать.

— Никакой жизни у остальных не будет. Ты так и не понял, что значит быть Аморфом.

Можно ли успокоить человека словами «Идиот, что ты знаешь о жизни?», тем более Аморфа. У Главного случился подзавод.

— Я не понял? Я там, за воротами, среди бесполезных людей научился видеть и ощущать разницу между двумя процессами «жить» и «выживать». А вот ты, очевидно, забыл, что значит быть человеком.

Как-то с самого начала дружба у них не произошла. Они шли в разных направлениях. Главный видел возможности, цеплялся за них, не отпускал. Монстр Кей видел проблемы, препятствия и результат. «Сейчас» имело очень странный вкус, победой не пахло, а цена была высока. Оставалось успокоить и разубедить того, кто принимал решения. Задача не представлялась сложной для Монстра Кей, это бесполезная трата себя. Есть такие люди, они не умеют останавливаться. Вот Главный много чего не умел, но не уметь останавливаться у него получалось лучше всего. Профессиональный навык. Не соглашаться ни с кем и ни в чём.

— Ты не решаешь проблему. Это не освободит нас.

Монстр Кей и сам понимал, бесполезный разговор, но

раз уж все собрались, не молчать же втроём.

— Как это не освободит? Посмотри на меня!

Главный менял свои очертания, появлялся и исчезал, пытался несколько раз изменить контент кабинета, попробовал залезть в Монстра Кей, о чём сразу же пожалел и наконец перестал пугать присутствующих своим Аморфом. Здесь некого было пугать.

— С этой комнатой что-то не так.

Главный не мог понять, что или кто держит весь кабинет. В том числе и его. Но реальность явно находилась в чьих-то руках. Он с трудом мог управлять собой. Что-то новое для Аморфа. Но и это отвлекло Главного ненадолго. Кто-то ковырялся в его голове, он запинался и путался, потому решил ускорить разговор.

— Кстати, где Аморфы? Куда ты их спрятал?

Симпатия смотрела в окно.

— Они там, на полях. Он не хочет их выпускать.

Симпатия не имела сторон. Все в этой комнате ей надоели уже давно. Ругались они постоянно, нового ничего. Профессор не прав, Главный идиот, Монстр Кей знает всё.

— На полях? — Главный смотрел в окно. — Я не вижу ничего!

— Щиты. Связность ноль. Не совсем ноль, конечно, оставил пять. Но это тоже ничего.

Симпатия ждала момента, когда Профессор отпустит Домино. Кто мог подумать, Главный примет решение за него.

— Это хуже тюрьмы! Они там! Живые! Болтаются как пыль, по частям себя, и не могут собраться в одно! Пытались выбраться несколько раз, не особенно повезло.

— Зачем ты это сделал? Выпусти их! Отключай щиты прямо сейчас!

— Они опасны. Их нельзя выпускать.

Профессор не сомневался, это начало конца.

— А этого чего оставил? Закрыв бы со всеми, или он самый послушный?

Симпатия подошла к Главному.

— Они все там. Но всех я не стала бы выпускать. Хотя, конечно, решать тебе. Пойдём, я покажу, как работают щиты.

Всегда важно не упустить момент. Жизнь не часто

бросает шанс. Симпатия вела Главного к щитам.

— Сейчас они в Халле. Тебе не понравится всё, о чём они расскажут.

Профессор и Монстр Кей отключали щиты, в этой части Вундского Леса была тишина, три щита не позволяли объектам сложиться, связность пять это пыль. Объекты висели в пространстве, раздробленные на бесчисленные количества частей себя. Монстр Кей отсоединил кабели, ведущие к щитам, иного пути не было, сами щиты находились внутри своего же действия. Отключить их можно было только обрывом сети. Миг за мигом всё пространство обрастало образами, на поверхность всплывал мир, который прежде был спрятан где-то внутри. Связность восстановилась до привычных пятидесяти четырёх процентов. Появились деревья, тропинки, и те, кого не хотели выпускать.

— Сколько их здесь?

Главный был удивлён. Симпатия бросилась к друзьям. Профессор отвернулся и ушёл к пруду.

— Будет сидеть и молчать целый день. Не хочет никому надоедать.

Главного беспокоил теперь исключительно процесс.

— Сколько раз ты использовал Вохы?

Монстр Кей не волновался, у него уже был другой план. Скоро Главный узнает о нём.

— Пятьдесят, плюс минус, если считать с неудачными.

— Три Воха не справятся. Я должен убедиться, что всё работает именно так.

Последующие три дня Главный засовывал в Вохы всё подряд. Симпатия и Слоны наблюдали за происходящим в подвале.

— У него прямо истерика началась. Пока не доломает этот шкаф, не успокоится. Ещё что-нибудь расскажи, я очень скучала по вам.

— Нечего особенно рассказывать. Всё как в тумане. Это очень странный мир.

Симпатия никак не могла представить жизнь в таком разбросанном состоянии.

— Кто бы мог подумать, что пыль может жить. Пыльный Мир. Значит он есть? Идея, конечно, так себе в качестве приглашения, не знаю, кто захочет так жить. Но хоть что-то тебе там понравилось? Такое везде можно найти, своё, особенное. Чем его привлёк этот мир?

Слон знал ответ. Тем, что там жизни нет.

— Само по себе это место начало или самый конец, мыслей ещё или уже совсем нет. Небольшие обрывки, разрозненные, слишком короткие, тебя бросает по ним, но тебе нечего уловить. Я и не понял, где я, и есть ли это вокруг.

Симпатия рассматривала пыль.

— Думаешь, свобода выглядит так? Пыльный Мир?

Слон привыкал к себе, никак не мог выбрать подходящую форму, его внешний вид менялся.

— У меня уже в глазах рябит от тебя. Можешь побыть кем-то одним хотя бы полчаса. Ощущение, что передо мной целая толпа. Я устала смотреть на тебя. Здесь так не принято, не иметь себя. Вероятно, этим и привлёк его Пыльный Мир, возможностью освободиться от «я».

Слон остановился на своём прежнем виде, привязанность к нему куда-то пропала, ушла, но и другие формы не вызывали никакого особенного интереса. Ему было всё одинаково чужое, а потому безразлично.

— Можно освободить все значения, Пыльный Мир не так уж и плох. В каком-то смысле в нём возможно всё.

Симпатия не разделяла такой интерес.

— Хочешь всё превратить в ничто? Мир в свободный от формы? Звучит грустно. Мало нам было веселья, теперь что нас ждёт? Пустота?

Сто и Слик занимались щитами.

— Идея со связностью понравилась всем. Зачем мы вернули их? Лучше бы не выпускали.

Монстр Кей проверял показатели напряжения. Hullabaloo от него не отходил.

— Всё как ты говорил. Тёмный Свет. Мы его нашли.

— Ты видел Моров?

— Это не просто облако пыли. Мы думали, жизни нет в состоянии «связность ноль». Я её видел. Только кажется, точки не связаны между собой, это не так, они связаны, но сразу все. Ты не видишь отдельных объектов, потому что здесь их нет, всё это облако и есть один объект.

Монстр Кей почти разозлился.

— Ты говоришь ерунду.

Hullabaloo свернулся в точку и исчез. Не весь, голос он всё-таки оставил.

— Проверь сам, ещё раз. У Simplexa есть жизнь.

Кому понравится такое? Со стороны всё кажется и видится не тем, чем является изнутри. Монстр Кей встретил Профессора у главного здания. В кабинете собрались почти все, за исключением Главного. Он продолжал дематериализовывать окружающий мир, никак не мог выключить Хозяина Мечты. Профессор посмотрел на Аморфов.

— Вы задержались.

Домино стоял прямо перед ним. Аморф самого Профессора. На эту встречу все пришли. Все, кто надо.

— Зачем ты вернул нас, расскажи.

В комнате было ещё двенадцать Аморфов. Профессор прошёл вперёд и сел в своё кресло.

— Значит Simplex живой. Другая жизнь. Другой вид.

Домино улыбнулся.

— А что ещё ты хотел там найти? Думаешь, пустота существует? Мы вот её не нашли.

Аморфы рассмеялись, все, кроме Монстра Кей.

— Было бы неплохо, только её нет. А теперь вернёмся к плану, если, разумеется, ты о нём не забыл. Тебя не должны беспокоить Моры. Разве что-то вставало у нас на

пути? Очередной вид, сколько таких. Всех освободим.

Домино захлёбывался от смеха. Аморфы не могли успокоиться, всё действие производило жутковатое впечатление. В комнате одни маньяки собрались. Симпатия спряталась за Монстра Кей.

— А мы точно вернули своих?

Монстр Кей не разделял восторга присутствующих.

— Это похоже на праздник?

Симпатия едва успела прошептать.

— Зачем ты это спросил?

Домино не любил всё, особенно, когда с ним разговаривают. Он смотрел в окно.

— Ты так говоришь, будто тебя забыли спросить, когда принимали решение. Или, может быть, ты передумал спасти мир?

Бывают моменты неудачные. Главный их умел находить. Он зашёл в кабинет, когда из него нужно было выходить.

— Заходи, ты вовремя.

Профессор достал папку и протянул её Главному.

— Нам нужна вторая степень, но у большинства мы уже не можем её вернуть. Это невозможно.

К зданию НИИ подъехал автобус.

— Эти попытки бессмысленны. Аморфа можно сделать не из каждого. Не будем продолжать искать предел там, где его невозможно найти.

Автобус постоял ещё минут пять, дети не успели выйти, как водитель получил команду увозить детей подальше от Вундского Леса. Всё это время Главный изучал выданный ему ворох бумаг.

— Это что такое? Аномия? Давай без лирики и спецэффектов. Для нормальных людей.

Аморфы разошлись в разные углы кабинета. Монстр Кей включил экран.

— Две трети объектов пустые.

Главный посмотрел на экран.

— Новость дня. Попробуй не задавать мне вопросов. Говори и сам отвечай.

— Они случайные. В этом мире слишком много случайных объектов.

Домино подошёл к Главному.

— Ты решаешь не ту проблему. Нам нужна не просто другая жизнь, мы хотим освободить этот мир. Кому нужна невозможная жизнь, невозможные мы? Наш враг материя. Ты ведь от неё хотел освободить?

Главный слегка расслабился.

— Значит, есть всё-таки другой план. Можно было сразу с него и начать. К сути давай, я устал.

Домино продолжил объяснять.

— Мы можем создавать эту жизнь, это больше, чем пытаться её удержать.

Главный чувствовал такие моменты нутром. Безумные идеи, очередная, самое лучшее средство от всего и для всего, и чем бредовее мысль, тем сильнее она захватывала его.

— Всё плохо, но это хорошо. Звучит как самое то. Согласен, жизнь надо создавать. А теперь поконкретнее, чтобы я начал понимать. Пока разговор пустой. Говорить будет Профессор, вы слишком умные для меня. Профессор, начинай.

Профессор начал с конца, времени и без того слишком много не туда ушло.

— Превратим всё в пыль. Весь мир. Связность ноль.

Связи будем раздавать мы, точнее эмиттеры. Это и есть Аномия. Случайно, то есть само, без нас, больше не появится никто и ничто. Эмиттер даёт связность, связи, объект собирается из пыли в целое, эмиттер связи забирает, объект рассыпается на пыль.

Главный обалдел.

— Какие объекты?

Профессор включил экран.

— Дома, улицы, города, всё, что есть, можно будет включать и выключать.

— И сколько времени нужно, чтобы создать и прекратить объект?

Профессор переключил картинку экрана.

— Вот столько. И целый мир появился или исчез. Из ниоткуда в ничто.

Вот так закончилась Эпоха Солнца и началась Корпорация Смерть, Лунаторий, Domino Energies и свободный мир, в котором возможно всё. Всё, что хочет Domino Energies. До свидания, Случайный Мир. Прощай все и всё.

Главный подошёл к экрану.

— Вот это вы придумали! Мы отключим все связи. Это возможно? И всё разлетится на пыль? Сколько объектов останется?

Профессор включил пустой экран.

— Это возможно. Объектов несколько не останется. Этот мир будет принадлежать нам.

Главный осмотрелся по сторонам. Будь то не Аморфы, он не согласился бы делить власть, но в этой комнате уже находились те, кто решал.

— Ни у одного объекта нет такого количества STRS, чтобы выжить в Аномии без нас. Всё и все превратятся в пыль. Не останется никого и ничего. И не появится без эмиттеров.

Чудеса. Главный не мог оторваться от пустого экрана.

— В один прекрасный день раз и всё? Нажмём ВЫКЛ?

— Теперь мир, объекты, жизнь можно включать и выключать. Будешь спать спокойно, без Лунатория, само, не появится никто и ничто. Все последние опыты дали нам результат. В объектах Настоящего Мира недостаточно энергии, которая позволяет удерживать связность.

Главный начал задавать вопросы.

— А если связи вернутся? Мы потеряем власть?

— Связи уже не вернутся. Это всё, что тебе нужно знать. Изменения необратимы. Никаких откатов и возвратов.

— А если что-то пойдёт опять, как у вас часто бывает, не так? Что нас ждёт? Мир из песка? Мы просто уничтожим всё и что тогда?

Аморфы рассмеялись, особенно Монстр Кей.

— Ну а тебе какое до этого дело? Чем ты об этом узнаешь? Как? Если не останется ничего, даже тебя?

— Ты меня убедил. Все вы. Будем раздавать жизнь! Освободимся от материи раз и навсегда!

Что он знал. Доверчивый, как в первый раз.

Аномия. Именно этого мы и хотим. Уничтожить мир и заново создать. Недоделанным и неправильным он казался с самого начала. Мы знаем, каким всё должно быть. Должна ли картина сама себя рисовать? Должны ли мы решать, какими нам быть? Каким будет мир, где люди как мебель будут делаться на заказ? Это ведь не вопрос морали, знаем ли мы сами, чего хотим.

Главный уже несколько дней изучал Аркан. Город мечты. Здесь всё создаётся машинами. Без них Аномия Аркан Пыльный Мир. Профессор показывал Лунаторий.

— Это маяк номер один. Объекты Аномии, весь её мир будет строиться здесь. Блок Актуации имеет перечень допущенных к жизни объектов. Их энергетические карты находятся именно в Лунатории.

Главный не переставал удивляться.

— Вместо солнца маяк?

Профессор не особенно понимал почти все вопросы.

— А Солнце тебе зачем? Ты хоть представляешь, сколько энергии уйдёт на создание такого объекта? Нам больше не нужен этот свет, у нас есть свой.

Допустить невозможное сложно, если не верить в него. Поверишь во что-то одно, невозможное, и весь мир уйдёт из-под ног. Профессор во всё поверил давно. Что мы знаем о мире? Допустим, ничего.

А значит, возможно всё. Невозможное возможно, пока мы верим в него.

Главный был слишком зациклен на себе, исключительности и уникальности объекта своего «я». Мысль расстаться с собой пугала его больше остальных. Кто угодно теперь может стать им, и что тогда такое он, если не ощущение себя. Как быть с тем, кто живёт внутри, с его внутренним «я», это сильно волновало Главного, что

понятно, Аморфы есть душа.

— В Аномии не выживут Аморфы. Ты хотел их спасти, а теперь решил убить?

Профессора волновали разные вопросы, этот уже давно нет, возможно, никогда.

— Я хочу освободить нас от материи. Аномия наш шанс. Мы сами будем создавать всю жизнь, всё и всех, весь контент.

Главный сомневался, правильно ли он понимает Профессора, или ему опять решили что-то не рассказать.

— Ты больше не веришь в душу?

Профессор не хотел, да и не смог бы всё рассказать, свою он давно отпустил, для него всё живое и настоящее стало прошлым, было много работы, и он хотел побыстрее довести весь оставшийся мир до конца.

— Знаешь, где всё это время мы были?

Hullabaloo появился из ниоткуда и повис перед Главным, не рассчитывая на ответ. Это не был вопрос. Начало нового разговора. Никто не думал, что Главный вдруг спросит о таком. Все по-своему проходят разные испытания, этим мы и отличаемся, каждому своё. Пыльный Мир как-то дружелюбно принял Hullabaloo, из

всех Аморфов он не просто не боялся связности ноль, он её полюбил. Такие разные мы.

— Это Халла. STRS, душа, как хочешь назови, это память материи. Она то распадается, то появляется. Это шаблон связей точек в картинку мига, миговых картинок объекта в цепь «жизнь».

Главный приготовился к спору.

— Но Аморфы могут и без тела!

Hullaballoo знал Халлу, Главный даже не мог представить её.

— Могут, Аморфы всё могут. Но по своему шаблону. Пути. Это не свобода от материи.

Профессор вмешался в разговор.

— Мы не будем продолжать Аморфов. Мы хотим не в вечное рабство к материи попасть, Аморфы её память. Она разрушается в наших телах, разрушается нами. Мы разрушаем эти связи, пути, свои фатомные тела, пытаюсь освободиться от материи. Сколько раз ты слушал себя пока был человеком? Спорю, не часто. Никто не слушает голос внутри. Люди делают, что сами хотят, а теперь ты Аморф. Ты даже не задумываешься, что хотеть и что делать, будто все возможности и пути для тебя перестали

существовать. Только это не «будто», а ты, заперт внутри шаблона своего пути.

Профессор знал о чём говорил.

— Душа это голос материи, что делать, как жить. Материя хочет решать, какими сделать нас и весь этот мир. Мы делаем, как хочет она, а если нет, душа умирает в наших телах.

Профессор устал объяснять. Он понимал, Аморф не сможет такое принять никогда, тем более Главный Аморф. Его цикл «я» не отпустит никогда.

— Твоё «я» повторяется тысячи раз. Память материи, которую мы пытаемся преодолеть, память связи, которая создала и возвращает она.

Главный задумался.

— Ты веришь в мир без души?

— А тебе нужны маршруты, пути, списки, события, действия, по которым память тебя промчит? Боишься, сам не справишься с выбором как жить?

Профессор показал на шкафы.

— Вот списки жизней, за пределами которых душа не позволила выйти никому из них. Списки, что сказать и

что сделать, связи в мигах длиною в жизнь. Это память материи, она нам не принадлежит.

Всё это время что-то внутри беспокоило Главного. Будто в нём находился кто-то ещё. Неприятное ощущение постороннего присутствия, но не снаружи, не такое, когда за тобой присматривают или следят, а присутствие кого-то там, где посторонних не просто не должно, но и не может быть. Внутри себя. Он не слышал никаких голосов, даже мысли все были именно его, всё же ощущение приносило ему сильный дискомфорт.

Он хотел спросить сразу, но в тот момент его отвлекли. И вот мысль вернулась, и Главный, осознав её ещё раз, ужаснулся, почему тогда эта мысль осталась незамеченной и неважной, хотя начать надо было именно с неё. Главный подошёл ближе к Профессору и внимательно на него посмотрел. Профессор продолжал говорить, Главный обошёл его несколько раз.

— Что-то с этой комнатой не так.

Не сказать, что Главный быстро соображал, но ведь это неважно, время, его количество, не так важны, как сам результат. Сколько раз нужно думать о чём-то, чтобы это понять? Всегда это вопрос количества раз. Рано или поздно дойдёт до всех. Думать это количественный процесс, не нашёл ответ с первого раза, спроси себя ещё

много раз. Если повторять вопрос, ответ появится сам по себе. Вот брать первый не всегда стоит, только если времени думать больше нет. Ответы не просто прячутся в вопросах, их не надо искать, думать это скорее из всех ответов уметь их считать. Правильный тот, который в самом конце. Многие просто не доходят до него, утомительный процесс «думать» это повторять и считать. Главный это умел, потому и казался со стороны тем, кто соображает не сразу, как правило, он искал ответ самый последний, всех ответов ответ. Он посмотрел на Домино.

— Послушай, этого не может быть. Ты и твой Аморф, оба здесь. Как возможно? Я хочу, чтобы ты объяснил, может быть только один.

В голове Главного по-прежнему стоял гул. Монстр Кей подошёл к нему и протянул стакан с водой.

— Пей.

Главный, естественно, проявил реакцию «ноль», он не стал ничего говорить, чтобы не отводить в сторону разговор. Монстр Кей постоял минуты две и бросил стакан на пол. Главный посмотрел вниз, на полу не было ничего. Монстр Кей стоял у стола, на котором стоял тот самый стакан с водой, который по всем расчётам и правилам перемещения в пространстве, должен был лежать в другом месте, а именно на полу, среди ног. Главный

подошёл к Монстру Кей, посмотрел внимательно на стакан, но трогать на всякий случай, непонятно правда, на какой, его не стал.

— Начинай говорить.

А Монстр Кей не любил торопиться. Его увлекал процесс. Он не просто умел, он любил ждать, и заставлял. Конечно, в этом что-то есть. Дольше ждешь, важнее результат. Со всех сторон, с какой на этот процесс ни смотри. Но терпение Главного уже покинуло этот разговор. Что было заметно, ведь Главный никогда не стеснялся быть собой. Монстр Кей в своей раздражающе самоуверенной манере говорить, глядя в лицо Главного, начал издевательски объяснять.

— А это потому что, вероятно, в этом кабинете возможно всё. Этого всего нет без Симпатии. Профессор, как и всё здесь, её контент.

Главный подошёл к Симпатии. Она сидела на подоконнике и смотрела в Лес.

— Причём тут Симпатия? И что значит «всё здесь»? Я вот есть сам по себе!

Монстр Кей выходил из кабинета.

— Так и должно быть. Это Аномия. Все объекты живые.

Главный окончательно утратил разговор. Он не знал, что спросить, не понимал ответов, потому стал озвучивать всё, что крутилось в его голове.

— Профессор не настоящий? А я?

Монстр Кей остановился.

— Да здесь всё настоящее. Просто создаёт это Симпатия. А не я или ты. Можем тебя прекратить в любой момент или создать ещё два, три.

Момент случился. Главный начал понимать. Рядом с ним появилась ещё пара Главных. Он смотрел на этих себя и не мог осознать, какой из них он, потому что видел других себя каждый раз на разном фоне, что означало одно, смотрит он на себя из своих разных «я».

Куда-то исчезла часть кабинета, как и потолок, и стена. Медленно стал выключаться Вундский Лес. Разлетаясь на точки, объекты прекращались в воздух, не оставляя следа. Главный открыл рот и закрыл. Это было неприятно. Рот открыли все он, что бы Главный ни делал, все Главные повторяли за ним. Произошёл хор. Главного это сразу же взбесило, говорил он один, но звуки шли от троих, громко и нелепо смешно. Все они кричали на Монстра Кей.

— Опять ты? Хватит! Немедленно прекрати!

Исчез первый Главный, так медленно, по чуть-чуть, он выветривался в окружающий мир. Главный смотрел и уже беспокоился, а что если исчезнет и он? Именно по такому варианту и пошло. Всё его последнее и как ему казалось его собственное, единственное настоящее тело медленно рассыпалось, начиная с ног. Он стоял, но без той части себя, которая упиралась всем оставшимся телом в пол.

— Оставь одного, этого меня! Полностью! Как был!

Монстр Кей знал Главного хорошо, если ситуацию нельзя отменить, Главный не пытался что-то менять. Он легко принимал жизнь, шёл по пути наименьшего сопротивления, плыл и ждал, возможностей много, надо лишь выбрать свою. Профессор зашёл далеко, пришло время Главному об этом рассказать.

— Ты уже в Аномии. Большею части Вундского Леса нет. Одна пыль. Всё, что ты видишь, создают куклы. Без них всё рассыплется, даже ты.

Главный всё ещё не доверял своим глазам, тем более, как оказывается, не своим, и в нём нет ничего своего, его самого тоже нет, как такое понять.

— Аномия? О чём ты? Ты мне только рассказал. Машины будут всё собирать. И ты сделаешь такую машину?

Симпатия смотрела в пустое окно.

— Без них не появится никто и ничего. Машины будут создавать объекты и разбирать. Мы прекратили связи между точками, без них ни один объект не удержится в объект. Просто пыль. Машины всё сделают по картам. Что заложишь, то и получишь.

Главный стоял и продолжал медленно понимать.

— Уже в Аномии? Почему не спросили меня?

Профессор молчал. А что говорить? Всё не просто плохо, у мира не осталось времени, одно осталось, ждать конца. Профессор не боялся умереть, всё начнётся опять, вот только умирать неприятно каждый раз, если бы только это было в последний раз.

Монстр Кей показал Главному первый пробел.

— Всё началось с него. Начали здесь, в кабинете, первые испытания «связность ноль» мы не могли удержать. Попробовали, отключили связи, остановить процесс не смогли. Связность «ноль» распространяется быстро, совсем скоро придётся отпустить весь Лес, щиты не справляются, это место уже превратилось в Пыльный Мир.

Симпатия повернулась к Главному. Отвращение. Это

единственная эмоция, которую Главный успел понять. Он увидел Симпатию в первый раз, такой, какой она и была. Прежде девочка казалась ему просто уродливой, жалкой, такой она не была никогда. В пустых орбитах скрывалась чудовищная власть, невидимые блики Тёмного Света можно было заметить на самом дне её отсутствующих глаз. Теперь она не казалась смешной, она Смерть. Главный впервые увидел её. Голос на всём этом фоне звучал неуместно, он ещё больше усиливал страх, Смерть, которая разговаривает ребёнком, будет долго играть.

— Не получилось у тебя спросить. Всё как-то быстро и само случилось. Мы не успели тебя предупредить. Так что ты не волнуйся, связи уже не вернутся. Это точно. Мы не смогли, значит никто не сможет их вернуть никогда.

Какие хорошие новости, всё произойдёт быстро. Можно ничего не бояться. Не придётся долго и медленно умирать. Главный смотрел на очередной пробел.

— Значит, это не пруд, как вы его называете. Это самая настоящая пустота?

Симпатия не верила в пустоту.

— Это озеро Phial, в нём находится Мрак. Это совсем другое. Просто мы не знаем, как из него достать, пока туда получается только отправлять.

— Вы зашли далеко.

В разобранном виде Вундский Лес напоминал натюрморт. Художник рисовал всё подряд, слой на слой, объекты один в другой, краски поплыли, стекли в унылое размазанное пятно, в котором намёками корчилась жизнь, что осталось от неё. Главный подошёл к Профессору.

— О чём мне ещё не надо беспокоиться? Сколько у нас времени?

Профессор сидел и молчал. Главный похлопал его по плечу, Профессор развалился на кучу песка. В комнате остались Симпатия и Монстр Кей. Главный начал ходить из стороны в сторону и трогать всё подряд, журналы и дверцы, тетради и стулья рассыпались в его руках и тут же появлялись на своих прежних местах. Монстр Кей включил экран.

— Аномия скоро будет везде. Мы не можем её остановить. Пробелы появляются повсюду.

Главный уже успокоился. Это стоит того. В его руках будет мир, он ждал этого момента давно. Победу надо уметь принимать и платить за неё приходится всегда.

— Значит, всё в пыль. Связность «ноль» и объекты создаём и прекращаем мы. Если мы объект не создали,

он ведь не чувствует себя собой? Его нет, он не чувствует ничего?

Монстр Кей знал, о чём говорить не надо. Время придёт, узнает всё сам.

— Это Пыльный Мир. Ты не должен думать о них, Халла станет для не допущенных к жизни домом. Это возможность не иметь себя. Аномия создаст жизнь такой, какой мы захотим. Для этих нас будет возможно всё.

Главный посмотрел на Симпатию.

— И какие машины будут всё создавать?

Монстр Кей подошёл к Симпатии, открыл в её груди панель и достал небольшую коробочку.

— Это первый эмиттер.

Главный взял его в руки и тут же вернул Монстру Кей.

— Горячий. Зачем?

Монстр Кей поместил эмиттер на место, в Симпатию.

— Она не справляется, большой контент, у нас всего четыре Куклы.

Главный не слушал Монстра Кей, он продолжал изучать кабинет.

— Её реальность ничем не отличается от настоящей?

Монстр Кей взял стакан с водой и протянул его Главному.

— А чем? Те же точки, частицы, только связи между ними прекращает и устанавливает Симпатия. Это не происходит случайно, само.

Внезапно Главный засуетился.

— Всего четыре? На весь мир? А она не тянет даже этот Лес!

Монстр Кей не пытался его успокоить. А зачем? Пусть понервничает, может хоть что-то научит его ценить и понимать.

— Мы успеем создать, не переживай. Как-то ведь придумали это всё.

Утро выдалось прохладным, что к лучшему. Прохладным воздухом легче дышать. Лес расслаивался на миги, всё следило собой. Главный решил прогуляться, но тут же заметил за собой целую вереницу себя. Предыдущие миги не исчезали, они оставались в воздухе висеть.

— Похож на комету, зачем разбрасываешь себя? Пока до пруда дойдёшь, ничего не останется от твоего «я».

Симпатия не справлялась с пространством. От многих объектов остались только названия, они болтались без разных частей себя. По большому счету, не на что было смотреть, Лес напоминал карту или план. Деревья не были прорисованы, символично Симпатия оставила от них только слова. Пыль и пара названий, как вывески. Куст, дорога, трава.

Удержать живые объекты было сложнее. Миговые картинки объединяются в последовательную цепь, так и появляется жизнь длиной в конечное количество кадров. Все они проявляются на поверхности пространства по очереди, включается один, выключается предыдущий, так возникает иллюзия жизни, движения и развития любого существа. Эти последовательности разлетались, и миги включались в разную. Аморфов раздваивало, расстраивало, присутствие каждого увеличивалось, всех разбивало на себя. Чаще стали появляться магнитные пузыри, моменты жизни, захваченные местом. Симпатия даже не пыталась их убирать. Кому нужен ещё один пробел? Здесь и без того повсюду был Мрак.

Профессор попросил привести в подвал детей. Они заждались. Несколько дней всем было не до них, дети начали грустить. Симпатию не обрадовал такой сюрприз. Можно ли сказать, что решение принимала она? Это

сложный вопрос. Карты жизни, кто их создавал? Кукла или собранный ею человек?

Симпатия спустилась в подвал. Профессор заигрывал с кнопкой, новый эмиттер не был готов сначала и до конца. Монстр Кей отдал кнопку Симпатии.

— Ты не справишься сама.

Симпатия взяла коробку, посмотрела на эмиттер и вернула его на стол.

— Syntax опасная вещь. Лучше пусть останется пустота.

Syntax новый эмиттер, он мог бы справиться один с десятком таких мест, как Вундский Лес. Мог бы, потому что включался на сто двенадцатый раз. Представлять последствия такого создающего мир устройства устанет любая фантазия начинать. А какие варианты, не из чего выбирать.

Мальчика положили на стол и начали освобождать. От всего человеческого. Теперь он Кукла номер пять. Профессор не знал, с кого начинать. Мальчик и девочка должны были сами решать. Профессор им всё рассказал. Ожидаемо, мальчик даже думать не стал. Девочка осталась одна в кабинете. Она очень просила не отправлять её в Маленький Корпус, она будет ждать здесь, если ей разрешат.

К следующему утру мальчика вернули в кабинет. Профессор предложил девочке познакомиться с Bromusom.

— Эти Куклы будут создавать мир. Можешь попросить его о чём хочешь. У него нет карты создаваемых объектов, пока. Сам он не знает, что создавать. Но если ты его о чём-то попросишь, он сделает что угодно для тебя. Прямо из воздуха. Или спрячет в никуда, если тебе захочется что-то удалить из мира, убрать.

Как вам такое? Из воздуха. В никуда. Чему учат детей?

Девочка расплакалась. Она ждала человека, а ей вернули потрошённую Куклу. Руки, ноги, приделанная голова. Его глаза были пусты, две яркие пылающие точки, никакой души.

Профессор попросил Bromusa удалить и собрать обратно правую часть кабинета. Медленно кусок комнаты растаял и тут же появился опять. Так же медленно пылинка к пылинке весь контент. Девочка расплакалась сильнее. Кто вообще так успокаивает детей?

Симпатия наблюдала за Bromusom. Он ей не нравился. Она боялась его. С такой мощностью, во что с его помощью можно переделать весь мир, кто потом захочет на такое смотреть, не то что в таком жить. В предложении

«если что-то пойдёт не так», слово «если» уже давно пора убирать. Мы придумали конец света, и теперь пытаемся его обогнать.

Главный зашёл в кабинет. Он так долго гулял, что решили без него начать. Bromus не произвёл никакого впечатления на Главного. Кукла и кукла. Ещё одна. Профессор показал Главному правую часть кабинета. На всех объектах красовалось «powered by Bromus». Это не просто слова, автограф создателя. Последующие два дня Главный собирал и разбирал всё подряд.

Вряд ли нашлось бы хоть что-то в Вундском Лесу без подписи «powered by». Татуху носили все. Объектов Симпатии практически не осталось, только те, что она спрятала в комнате наверху, у себя. Как Главный ни старался, отличить объекты Bromusa от настоящих так и не смог. А как? Их отличал не материал, а причинность связи. Как выяснилось, она не важна. Важна, но не здесь.

Вот он, решающий историю момент. Миру быть! Мы победили Смерть! Главный не умел скрывать восторг.

— Очень впечатляющий результат! Мне нужно больше таких машин. Ты их все будешь делать из детей? Или можно как-то без них обойтись?

Какая тут мораль? Интересы безопасности и

стабильности. Куклы не должны создаваться Куклами. Иначе будет утрачен контроль.

Монстр Кей смотрел на экран. Города покрывались тёмными пятнами.

— Время замедлило ход. Скоро его придётся отменять.

Главный вздрогнул. Часы и вправду как-то перестали торопиться.

— Миг длится привычных два.

Все смотрели на экран. Вездемен только вернулся из города. Он зашёл в кабинет, даже Монстр Кей не сразу его узнал.

— Надо подождать остальных.

Такая нормальная фраза, но не когда ждёшь ещё пару себя.

— За воротами меня сразу же разделило.

Такое происходило и здесь, но за пределами Леса никто не ожидал от материи столь быстрый ответный удар.

— Расслоение горизонта. Я видел три. Город вот-вот разлетится. Syntax не сможет его собрать.

Для Аморфов небольшая проблема, они могут

разойтись на несколько вероянгов себя, а потом собраться в одно, хотя могут какие-то части себя оставлять и забывать. Просто люди к таким возможностям не привыкли. В нас сидит много «я», все они заперты и не надеются случиться, произойти, мы имеем фантазии, страхи, желания овладевают нами, но выпускаем на поверхность себя мы лишь кого-то из нас. Больше не будет так. Стоит о чём-то подумать, усомниться в правильном выборе, город не будет ждать, тебя распустит на все пути, варианты, был один человек, одна жизнь, теперь пять. Между ними есть связь, это близкие люди некогда одного «я».

В кабинет вошли ещё двое. Вездемен встретил себя и отдал Монстру Кей коробку эмиттера.

— Syntax работает не везде. Это поможет на время, но не решит проблему. Связи дёргаются. Не все точки реагируют, некоторые нельзя включить.

Главный устал молчать.

— Что происходит?

Монстр Кей включил изображение города.

— За воротами начинается Парагон. Как Аморф ты увидишь его глубину возможностями, слоями, остальные останутся в своих плоских «сейчас». У нас появляются

экстенты. Прежде мы видели мир, разбросанный на места и времена. Всё было здесь, скрыто в глубине пространства, на поверхность которого всплывали разные части этого одного большого «Везде и Всегда». Мы называли эти всплывшие части разными датами и городами. Здесь скоро окажутся все «везде» и «сейчас», всплывает всё. Это Парагон. Город всех городов. Ты Аморф, увидишь только своё. Меняешь Аморфа, меняешь доступный контент для себя. Мир превратится для остальных в этажи. Экстент за экстентом, сможешь сходить и увидеть любое здесь и сейчас, разделив или собрав себя.

Главный взял Syntax.

— И что делает эта коробка? Творит чудеса?

Теперь такими вещами никого не удивишь. Мы отправляемся за пределы пространства и времени. У нас есть Синтетические Колонии Skylights и Zillion, но тогда материя пугала нас, мы боролись за право распоряжаться собой, и борьба эта справедливой была никогда. Невозможная жизнь долго не отпускала нас. Мы были готовы на всё, на всё ради свободы решать какой будет наша жизнь, наш мир, каким будет всё. Нам надоело умирать, мы делали это слишком много раз. Тогда мы зашли далеко и думали, это будет последний раз. Как

оказывается, мы больше, чем материя, и можем обойтись без неё. Мы всё.

Главный смотрел на карту экстенгов.

— Объясняй.

Монстр Кей включил фильтр. Часть изображения погасла.

— Это экстенг один. Мрак. Видишь сам, мало непонятно чего.

Монстр Кей сменил фильтр. Включилась ещё часть изображения.

— Экстенг два. Их много. Они отличаются своим содержанием.

Монстр Кей показал Главному несколько вторых экстенгов.

— Какие-то похожи как города-копии, какие-то нет. Здесь есть почти в каждом какой-то ты. Это варианты тебя.

Монстр Кей менял фильтры, с каждым экстенгом изображение становилось детальнее, мир включался ярче, громче, сильнее.

— Экстенги отличаются степенью точки. Весь один мир экстенга два собирается в одну точку какого-то

одного мира экстента три. Весь один мир экстента три в одну точку одного мира экстента четыре. Включается всё, без Syntax ты не сможешь нормально воспринимать реальность. Скоро не останется возможности перемещаться в пространстве как прежде, самолёты, машины, поезда. Нет больше такого мира. Здесь скоро окажется всё. И перемещать надо будет описание. Хочешь оказаться в городе X, включай Syntax, и перед тобой откроется город, в который ты хотел попасть. Нет больше Случайного Мира за окном. Раньше на поверхности болтались места и города, мы не могли выбирать, какие из них оставить на поверхности, какие убрать. Мы имели лишь то, что случайность нам дала. Вот к ним ты отправлялся на поезде. А теперь есть всё. Просто выбирай, на что ты будешь смотреть, что будешь воспринимать.

Главный крутил Syntax. Окружающий кабинет принимал разные виды.

— И что будет теперь?

Монстр Кей забрал Syntax у Главного.

— Без этого устройства тебе не добраться никуда. Это не просто новая жизнь. Это свобода для нас.

Устроен мир слишком просто. Вокруг много точек,

каждый миг они выключаются, точнее, связи между ними сбрасываются. Во время этих связей появляются картинки, образы, миговый вид мира. Каждый миг связи появляются и исчезают. Это и есть время. После сброса связей устанавливаются другие, естественно, каждый раз между разными точками. Миговые картинки по такому же случайному принципу связываются между собой в ленту, которая образует кино нашей жизни. По сути, всё существует один миг, и на целый миг ничего нет вообще. Продолжительность жизни у всего и у всех равна, один миг. Отличаются жизни лишь последовательностью, количеством склеенных миггов. Это и есть Случайный Мир.

Вы в пять, десять, пятнадцать лет это не один и тот же объект, это разные объекты, просто связанные, как страницы в книге, в одно. С таким же успехом можно в вашу последовательность вклеить любые миговые картинки, хоть самолёт, и последовательность эту можно до бесконечности продолжать. Вот вам тридцать пять, восемьдесят девять, а потом четыре или девятнадцать лет. Это уже не Случайный Мир, это Syntax, который эти миговые картинки помогает формировать и собирать в ваше собственное кино. Чем оно отличается от настоящей жизни? Только Хозяином. Точки, материал тот же, связи те же, но вот кто их создаёт. Случай, материя или вы. Точнее, Syntax в ваших руках.

Точек много, они то связываются между собой, то нет, и теперь мы можем сами решать, каким будет мир, окружающий нас. Вот и все чудеса. Мы не горшки, материя не будет за нас решать. Связи будем создавать сами, включать, когда надо, и выключать. Если бы всё было так легко и просто. Случайный Мир. Кто сказал, что материя отдаст нам такую власть.

Симпатия не знала, как успокоить девочку. Она отвела её в свою комнату, на самом верхнем этаже, показала свои куклы, только это не помогло.

— Я не понимаю, зачем ты плачешь.

Девочка разглядывала Симпатию.

— Я не хочу быть такой как ты. Я пустая. Во мне никого нет. Моя душа со мной не говорит. Я не хочу без неё жить. Как ты думаешь, могу я найти свою душу?

Симпатию удивил вопрос.

— Зачем она тебе?

— Значит, ты знаешь, где они живут? Души?

Симпатия подошла к окну.

— Видишь Мрак?

Девочка посмотрела на пруд.

— Они живут там?

Симпатия не знала понятных слов, что могли бы описать Халлу.

— Это не жизнь. Там умирают бесконечно, день за днём, каждый миг.

Девочка успокоилась.

— Можешь меня туда отвести?

Никто прежде не просил Симпатию о таком. С ней вообще мало кто разговаривал.

— К пруду, так к пруду. Раз тебе надо. Только это Мрак. Я с тобой не пойду.

Они подошли к Озеру Phial. Симпатия остановилась в полуметре от Мрака. Девочка её обняла.

— Я никому не скажу, что ты меня отдала. Принесу тебе душу, думаю, ей там плохо без тебя.

Девочка вошла во Мрак. Симпатия постояла недолго и побежала к Профессору. Высоко в небе висело Солнце. Оно стало холодным и синим. Значит, всё наконец-то началось.

Пространство растягивалось и кривилось. Само здание НИИ менялось на глазах. Симпатия с трудом нашла

нужный кабинет. На столе Профессора лежали шары Лунулов. Симпатия подошла посмотреть номера. На каждом Лунуле был свой номер. Эти, номер три и номер двадцать пять. Сразу же два Невозможных Мира.

Шторм всегда разлетался на восемь себя. В собранном виде его ещё никто не видел никогда. Сейчас в кабинете Шторм не был весь, его самые важные «я», первый, второй, пятый и последний, восьмой. Они были в одном. Остальные Шторм с Hullabaloo разбирались с обвалом в тоннеле, который объединял все города сквозь экстеннты. Экстент два, Невозможные Миры, экстент три, Автономия Skies и экстент четыре, Предел Феникса, Парагон. Дверь из тоннеля в Вундский Лес завалило после обвала. Выйти из Леса можно было только за ворота, и только в Парагон.

— Материя меняется слишком быстро. Мы не сможем управлять связями.

Главный пытался понять, что происходит. Какие-то разговоры, суета. Всё хорошо или плохо, опять. Такие не отстанут с вопросами. Им обязательно надо спросить и понять. Монстр Кей устал объяснять.

— Точки выключаются. Syntaxu не с чем работать. Мы не можем контролировать Paralax.

Монстр Кей отвернулся от Главного. Они с Вездеменом

стояли перед картой unitов. Такая большая карта, похожа на звёздное небо.

— Каждая точка это точка, одна из, окружающего мира, из них сделано всё. С другой стороны, каждая из них это unit, мир, в зависимости от экстента, есть внутри unita, внутри точки, это Невозможные Миры. Сам видишь, сколько их. Сколько точек вокруг, столько unitов, и в каждом свой мир. Есть мир из этих точек, из этих unitов, это Автономия Skies, экстент три. Каждый миг в Автономии из этих unitов складываются объекты. За этот миг в экстенте три, внутри каждого unita разворачивается целый мир, который длится по-разному там, внутри, хоть миллиарды лет.

Симпатия рассказывала Главному всё, что знала. Очевидно, всем в кабинете и без того хватало дел.

— Вот ты жил в Невозможном Мире, вот в этом unite, номер три. Этого мира больше нет. Видишь, точка погасла? Его свернули. Вон на столе лежит Лунул с твоим миром. Пока такие как твой миры живут свою вечность, из ваших unitов на миг появляется объект в Автономии Skies. Связи между unitами вызывают Эффект ЭХО внутри ваших миров. Они разворачиваются такими, зависимыми, от того, что происходит наверху в экстенте три за этот миг.

Главный перестал понимать. Он остановился на фразе

«твой Невозможный Мир свернули». Как такое понять?

Главный подошёл к Монстру Кей и стал слушать их разговор с Вездеменом. Монстр Кей посмотрел на Главного. Впервые, для Главного, этот Главный не понимал и молчал. Монстр Кей был сильно обеспокоен, тем что говорил Вездемен.

— Вполне возможно, материя не даст нам контроль над собой. Связи отключаются. Пока мы дойдём до Аномии, некому и не из чего будет собирать. Миги разлетаются, объекты с дырками. Последние дни превратятся в кошмар.

Главный ничего не знал, потому был спокоен.

— Давайте ускорим Аномию. Отключим связи, и будем что хотим собирать.

Монстр Кей сохранял спокойное отношение к происходящему. Не в первый раз это и уж, вряд ли, в последний, а всё только началось. Кто сказал, что препятствий быть не должно.

— Материя меняется. Она решила избавиться от нас, когда мы захотели освободиться от неё. Она прекращает связи сама, будет тебе Аномия, вот только мы в этой Аномии собрать не сможем никого и ничего.

Главный удивился.

— Как это?

Монстр Кей включил изображение какого-то урода.

— Это Мор. Новый вид. После вида «человек». Материя прекращает связи и создаёт Моров. Они пентамеры, связи им не нужны между точками в объектах. Материя не вернёт связи никогда и нам не даст их создать. Мы не сможем выжить в Аномии. Но это уже будем не мы, она сделает из нас Моров. В объекты их точки не связаны, но все вместе все точки материи это один объект, организм. Мор или Моры, облако пыли.

Главный продолжал смотреть на урода. Не один Мор, их тысячи, все как один.

— И что ты предлагаешь делать? Я вот не хочу быть таким.

Решение, разумеется, было. У таких как Монстр Кей есть выход из любого «сейчас».

— Надо прекратить Parallax. Избавимся от настоящей материи, раз уж не можем её контролировать, пока она не освободилась от нас.

Общаться с тронутыми долго нельзя. Главный излишне серьёзно относился к жизни. Непонятно, зачем.

Здесь все кроме него уже или никогда не дружили с головой. И ничего. Сумасшествие спасло многих. Это тот второй выход, запасной, рядом с дверью «Смерть», из тупиковых ситуаций. Лучше отказаться от реальности, чем попрощаться с жизнью, тем более что окружающее и без того есть данность субъективная.

Главный не решался сойти с ума, но похоже, это был уже не выбор, уж точно не его. Он успел ощутить лёгкость внутри себя. Так вот что такое пустота, поверхность! Свободный от всего, что прежде сковывало его, он чувствовал себя абсолютно сумасшедшим. Так легко. Нет дела ни до кого или чего. И не важно что угодно.

Начал просыпаться интерес. Но просто так. Просто любопытно, интересно.

Симпатия готовилась к большому путешествию в Zillion. С этим unitом возились не по плану. С самого начала всё пошло не так. Она уже и вещи свои собрала. Все куклы были в небольшом чемодане и новые, Ляля, последняя, для той девочки, которая отправилась в Мрак. Ляля обязательно вернётся. Симпатия смотрела на Солнце.

— Скоро Лес разорвёт. Надо уходить в Парагон.

Главный стоял как идиот, так уже улыбался.

— Parallax. Выходит, я вообще ничего не знал?

Симпатия играла с Лунулами, вопрос Главного её смутил.

— А сейчас что, вдруг вспомнил? Знаешь, что такое Parallax?

Было очевидно, Главный ничего не помнит и не знает. Он просто хотел поддержать разговор. Как никак, он всё ещё здесь и всё ещё Главный. Монстр Кей взял шары Лунулов и куда-то пошёл. Симпатия не отставала. Вездемен остался в кабинете, он смотрел на экран с точками. Главный не был ни в малейшей степени в точках заинтересован. Его мир был свёрнут в какой-то шар с номером три, за ним Главный и последовал.

Монстр Кей спустился на этаж минус три. Здесь Главный ещё не был. Он перестал удивляться. То, чем это проявляют, перестало работать, удивление закончилось, иссякло. Монстр Кей подошёл к Платформе и поместил в разъем Лунул номер три.

— Точка одна. Нет вокруг нас никакого бесконечного количества точек. Она одна. Все эти другие точки вокруг тебя, Эффект ЭХО. Точка видит разные себя, то какие-то видит, то опять не видит. Это Parallax. Весь мир из одной точки, Эффект ЭХО, точнее, иллюзия ЭХО точек. Материя это иллюзия точек ЭХО. Мы можем создать искусственный Parallax, взять и запустить сами ЭХО из точки. Только

искусственный Parallax мы сможем контролировать. Это будет ненастоящая материя, но ЭХО есть ЭХО, ты не заметишь разницы. Точка одна, только это ЭХО контролируем мы.

Главный продолжал улыбаться. Симпатия села на стул.

— Вот на этом этаже есть Храмы, объекты искусственного ЭХО, ненастоящего Parallaxa. Попробуй найти хоть один.

Главный осмотрелся по сторонам. Монстр Кей включил Casus Platformy.

— Это Платформа Abadon. Весь этаж, Храмы, объекты искусственного Parallaxa, здесь вся материя ненастоящая, но ЭХО есть ЭХО, какая может быть разница между иллюзиями? Платформа контролирует ЭХО, пускает и снимает его. Вот он, мир искусственного Parallaxa, ненастоящая материя. Создадим искусственный Parallax за пределами настоящего, а настоящий Parallax прекратим. От Настоящего Мира останется одна точка. А за пределами пространства и времени Платформа развернёт искусственные миры, какие мы захотим, каждый, все. Синтетические Колонии Skylights.

Главный ощупывал себя.

— Ничего себе. Да вы тут вообще с ума съехали.

Симпатия грызла яблоко. Она взяла яблоко со стола, но на столе оно осталось лежать. Яблоко. Симпатия взяла ещё одно яблоко из этого яблока и протянула Главному.

— Ешь, в этом яблоке сколько хочешь яблок. Барьер сто процентов. Мы преодолели его. Зачем нам настоящая материя? Твой мир номер три свернули, он сейчас без Paralaxa, лежит в одной точке, внутри Лунула. Платформа может его ЭХО в любой момент развернуть. Это будет Синтетическая Колония Skylights номер три.

Главный съел яблоко, а потом ещё одно, и ещё.

— Как далеко вы уже зашли. Платформа Abaddon, мир номер три.

Всем показалось, Главный перестал верить всему, что здесь говорят. Бред несут какой-то. Но эффект яблока его не отпускал. Монстр Кей посмотрел на часы.

— Иди погуляй. Парагон открыт. Встретишь там ещё несколько себя. Ведь этот ты из Невозможного Мира номер три. Это не первый наш разговор. Хотя технически, с этим ты я говорю об этом в первый раз. Мы зашли далеко. В Парагоне соберёшься в себя и увидишь всё сам. Мы сворачиваем все Невозможные Миры и переселяем всех в Синтетические Колонии Skylights. Этот ты впервые об этом слышишь, но реагируешь как обычно. Мы, в том

числе и ты, решили прекратить настоящую материю, мы уничтожим весь Настоящий Мир, шестьдесят семь процентов уже уничтожили, остались одни описания, которые мы поместили в Архив.

Симпатия давилась яблоками.

— Уничтожим Настоящий Мир до последней точки! Ну, что значит уничтожим? Настоящим этот мир не был никогда. Материя всего лишь иллюзия ЭХО. Мы не убиваем никого, а просто прекращаем ЭХО. У нас есть платформа Abadon и искусственный Paralax. «Ненастоящая материя» это громко сказано, иллюзия не больше, не меньше, чем та, от которой мы мечтали освободиться давно.

Главный стоял перед воротами Вундского Леса. Должно быть, всё это какая-то нелепая шутка. Там, снаружи, его ждёт обычная привычная жизнь. Последствия. Кому они нужны, чтобы думать о них. Вот будут, посмотрим как с ними жить, и надо ли бороться против них, в жизни не только плохое умеет происходить.

Узнаваемый скрип металла внушал уверенность, ничего из всего этого Вундского по правде не может случиться. Такое не может ожить. Ворота не успели открыться, а Симпатия уже убежала куда-то вперёд.

— Чего застыл? Надо успеть найти всех.

Главный шёл и не верил своим глазам. Кто знает, может быть и не своим, теперь сложно сказать что-то наверняка. Парагон. Город всех городов. Экстент четыре. Предел Феникса.

Пределов здесь не было. Шум. Суета. Главный старался ни о чём не думать. Его отпускало во все варианты себя. Он сразу же заметил, как пошёл в разные стороны. Странное чувство. С каждым разом легче дышать. Он прошёл мимо себя. Хотел остановиться и поздороваться, но тот, другой он, даже не обратил на этого никакого внимания. Здесь все то разбегались в разные стороны, то собирались обратно в одно «я». В каждом была глубина, как в том яблоке, бесконечное количество себя.

Над городом кружили кугели. По дороге всё же Главный кого-то поймал. В него кто-то зашёл, но вскоре отлип, оставив след обрывочных знаний о жизни, в которую Главный попал. Этот прохожий торопился на вокзал. Ему нужен был кугель. Это перемещающий аппарат. Похож на шар, небольшой, диаметром метра полтора. Отлипший от Главного заскочил в кугель и полетел. Кугель остался на месте, неизвестно, сколько в нём было ещё таких штук.

Город имел не один фон, приходилось очень пристально разглядывать и смотреть, перспектива

постоянно менялась, путешествие имело шансы не закончиться никогда. Объекты пентамеры. Это самое неприятное. Все и всё проносилось сквозь, к такому не легко привыкать.

Какое-то странное Солнце. Главный стоял и смотрел вверх. Высоко в небе висел странный объект, слишком крупный для солнца, ярко синего цвета с вывеской «Domino Energies».

«Куда делось Солнце?». Не успел Главный подумать, как кто-то остановился рядом с ним.

— Это Лунаторий. Маяк. Ты сам во всём виноват. Не надо было начинать. Мир без материи. Всё из-за вас, особенно из-за тебя.

Сумасшедший какой-то. Он говорил это всем подряд, но никто не слушал его, не останавливался.

Главный пытался разглядеть в этом городе знакомые места. Повсюду болтались анонсы, призывающие посетить Синтетические Колонии Skylights. Мечта ожила. Создай свой мир. Твоя собственная Колония. Повсюду призывы Skylights.

Мир сошёл с ума. Этого стоило ожидать. Мы давно свернули с пути, съехали не туда.

Ещё несколько раз Главный остановился перед видом Prodrroma. Огромная картинка висела в воздухе. Мыс Тигра. Prodrrome готов к старту. Вас ждут Колонии Skylights за пределами пространства и времени.

Наконец-то Главный узнал в здании что-то похожее на то, в котором находился в нормальной жизни его кабинет. Здание имело странное название «Десигнат». Его пропустили без всякого пропуска и разрешения, пускали не всех. Перед входом собралась толпа. Главному уступали дорогу, как будто каждый здесь знал его. Он поднялся на последний этаж, зашёл в кабинет.

В кресле Главный увидел другого себя. Тот Главный был чем-то недоволен.

— Сколько можно притворяться мной! Нашёл время гулять! Ждали тебя целую вечность!

Он встал и пошёл навстречу этому Главному, номер три. Через пару мгновений Главный торопился в Panopticon Regular. До последнего дня осталось девяносто семь. Большое Сжатие уже началось.

Aura Thoth

Фрэш Органс

ЭХО ИЗ МЫ

Кукольный Дом

WundWald

ISBN 978-5-00218-659-4

9 785002 186594

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36

www.pero-print.ru e-mail: info@pero-print.ru

Подписано в печать 19.09.2023. Формат 60x90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,875. Тираж 1000 экз. Заказ 839.

Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»